891
4-56 м

ГЕНИАЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ НАЦИИ

А. П. ЧЕХОВ

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ

Проверена

93

Включено
в кат.

158361

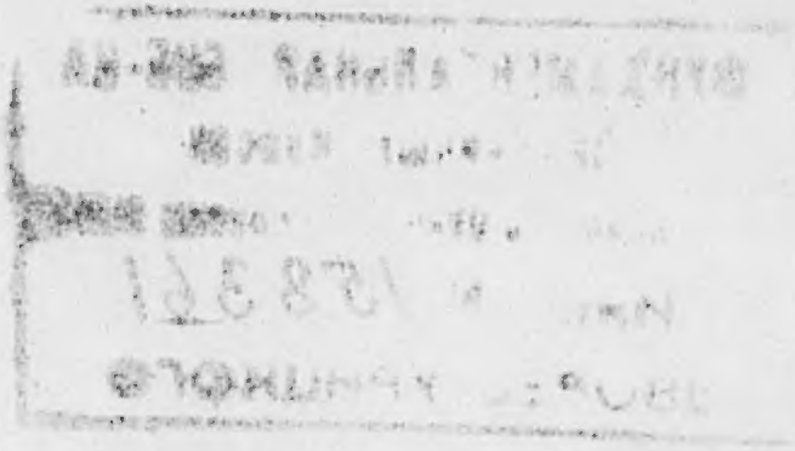
891
4-5b

В. МАНУЙЛОВ

А. П. ЧЕХОВ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Инв. № 158361
ДВОРЦА УРИЦКОГО

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1945



В один из самых напряжённых моментов Отечественной войны, 6 ноября 1941 года, товарищ И. В. Сталин назвал среди дорогих имён, которые чтит и которыми гордится русский народ, имя Антона Павловича Чехова. Рассказы, повести и драмы, написанные этим необыкновенно скромным и требовательным к себе человеком, известны сейчас всему миру. Чехов поведал человечеству, с простотой и правдивостью, на которую способны только очень большие художники, о русской жизни за целую четверть века, предшествовавшую русской революции 1905 года. Чехов обладал теми качествами, которые Горький считал наиболее типичными для русской литературы: «демократизмом, страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, глубоким интересом к жизни народа, упорными поисками всеобщей, всеосвещающей правды».

По определению Горького, Чехов — писатель, «освещённый ярким светом беззаветной и страст-

ной любви к великому делу жизни, литературе, к усталому в труде народу, грустной своей земле... честный боец, великомученик правды ради... всю жизнь свою, все силы сердца тратящий на жаркую проповедь общечеловеческой правды».

Дореволюционная русская критика часто видела в Чехове пессимиста, поэта «сумерек» и «хмурых людей». Действительно, произведения молодого Чехова навеяны русской жизнью восьмидесятых годов XIX века, когда политическая реакция загнала в подполье передовые силы молодой России. Но было бы ошибкой считать, что в эту пору политической реакции русская культура остановилась в своём развитии или что политический кризис восьмидесятых годов целиком определил характер творчества наших лучших художников, учёных и мыслителей.

В. И. Ленин писал в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии», что «мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов». В частности эпоха восьмидесятых годов оказалась богатой событиями большого значения: «...старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская револю-

ционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания».[1]

В восьмидесятые годы всё ещё сказывался могучий сдвиг, происшедший в истории русской культуры в шестидесятые годы, продолжалось освоение лучших достижений русской философии XIX века. Восьмидесятые годы в русской литературе и искусстве — новая страница в истории расцвета русского реализма. В эти годы работают такие деятели русской науки, как Д. И. Менделеев и К. А. Тимирязев. Зарождается гениальное учение И. П. Павлова. Наиболее яркие моменты из истории русского народа воплощает на монументальных полотнах Суриков, большое реалистическое искусство утверждает Репин. Имена Чайковского, Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова привлекают к русской музыке внимание всего мира.

Русская материалистическая философия, созданная Белинским, Герценом, Чернышевским, была поднята на высшую ступень Г. В. Плехановым. В. И. Ленин оценил философские работы Плеханова, как «лучшее во всей международной литературе марксизма»,[2] и подчеркнул, что самое ценное в творчестве Плеханова относится именно к двадцатилетию 1883—1903. В первый год этого знаменательного двадцатиле-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. IX, стр. 127.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 135.

тия — 1883 — основана первая русская марксистская группа «Освобождение труда».

В девяностые годы в русской общественно-политической жизни намечается новый подъём. Появляются первые работы В. И. Ленина. Зазвучали бодрые призывы буревестника грядущей революции — Максима Горького. В эти годы создаются наиболее зрелые произведения Чехова, который показал в своём творчестве, как нарастало чувство неудовлетворённости окружающей русской жизнью, как захватывала лучших людей тревога за будущее, как велика была жажда коренных перемен.

К сытым обывателям-мещанам, к задавленным нуждой и отчаянием «мелким людям» Чехов обратился с горьким упрёком: «Скверно вы живёте, дальше так жить нельзя!». Но не отчаялся писатель. Хмурым и серым людям он противопоставил честных, интересных, умных, неутомимых «друзей России». По меткому слову Горького, и сам А. П. Чехов был «одним из лучших друзей России». Он ненавидел самодовольную пошлость. Он не только смеялся над этой пошлостью, он и тосковал в душных, тусклых буднях окружавшей его русской жизни. Но Чехов любил свою родину, её народ и природу. В рассказе «Крыжовник» его герои думают о том, «как велика, как прекрасна эта страна» В своих письмах Чехов часто восхищается русским народом: «Боже мой, как богата Россия

хорошими людьми!». 14 мая 1890 года он пишет о сибиряках: «Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями».

Вера в победу лучших свойств человека, глубокий мудрый оптимизм свойственны Чехову и его любимым героям.

Человек — вершина мира, — утверждает художник, герой рассказа «Дом с мезонином» (1896). «Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, звёзд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным». Так мог говорить только писатель, любящий жизнь и верящий в человека.

Разнообразны и богаты образы хороших русских людей в творчестве Чехова. Таков доктор Дымов — скромный, незаметный, но нравственно сильный и чистый человек в рассказе «Попрыгунья» (1892). Таковы доктор Астров и его приятель «дядя Ваня», этот большой ребёнок, герой повседневного тяжёлого труда. Таков учитель заводской школы (из рассказа «Учитель»), умирающий от чахотки талантливейший педагог, вызывающий восхищение товарищей и учеников.

Особенно характерен для Чехова герой его повести «Три года» Ярцев — молодой учёный, химик, преподаватель в средних учебных заведениях. Он влюблён в Россию, в русских людей, в талантливую русскую молодёжь.

«Как богата, разнообразна русская жизнь, —

говорит он Лаптеву. — Ах как богата! Знаете, я с каждым днём всё более убеждаюсь, что мы живём накануне величайшего торжества и мне хотелось бы дожить, самому участвовать».

Жизнь Ярцева творчески полна и интересна. Он говорит тому же Лаптеву: «Я жаден, я боюсь, что умру не насытившись, и мне мало одной химии, я хватаюсь за русскую историю, историю искусств, педагогию, музыку! Как-то летом ваша жена сказала, чтобы я написал историческую пьесу, и теперь мне хочется писать, писать... Я вовсе не хочу, чтобы из меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создал великое, а мне просто хочется жить, мечтать, надеяться...».

Ярцев хочет написать пьесу из русской истории, потому что, как он говорит своему другу Косте Кочевому, «в России всё необыкновенно талантливо, даровито и интересно». И Ярцев и Костя — оба страстно любят свою родину. Они «родились в Москве и обожали её. Они были убеждены, что Москва — замечательный город, а Россия — замечательная страна».

«В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности, — говорил Горький. — Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изобретает того, «чего нет на свете»».

Хорошо зная жизнь русской деревни, Чехов

правдиво показал её противоречия. В таких рассказах, как «Мужики», «Новая дача», «В овраге», «Бабы» и др., Чехов с беспощадной силой рисует разнузданный быт кулаков, их дикость и пьянство, беспросветную нужду работающих на них бедняков, но тем сильнее проступают в этих рассказах образы русских людей, стремящихся проложить путь к правде и справедливости. В рассказе «В овраге» Чехов создаёт обаятельные образы Липы и её матери. Привлекательны и правдивы такие люди, как плотник Костыль (в том же рассказе), объездчики в повести «Степь» или старик Родион из «Новой дачи».

Особенно хороши в творчестве Чехова образы русских женщин: «Три сестры», Аня из «Вишнёвого сада», Мисюсь из «Дома с мезонином», Надя из рассказа «Невеста» и многие другие. Трудна и запутанна окружающая их жизнь, много пошлого и жестокого окружает их, но все они верят в лучшее и стремятся к этому лучшему.

Даже русская природа в творческом представлении Чехова овеяна поэтической мечтой, порывом к счастью. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» («Три сестры»). В чеховском пейзаже с особенной ясностью выступает стремление к единству правды и красоты. «На зелёных кустах, которые смотрелись в воду, сверка-

ла роса, — читаем мы в «Мужиках». — Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься! . .»

Антон Павлович Чехов был одним из удивительно одарённых типично русских людей. Именно эту черту, как известно, особенно ценили в нём Лев Толстой и Максим Горький.

Великий писатель, запечатлевший в своём творчестве всё многообразие жизни русских людей и русской природы, мастер короткого рассказа и основоположник новой драматургии, неутомимый общественный деятель, врач с современным научно-материалистическим мировоззрением, скромный и требовательный к себе работник — Чехов принадлежит к числу тех лучших передовых русских людей, жизнь которых уже сама по себе представляет несомненную познавательную и воспитательную ценность.

«Он за всем следил пристально и вдумчиво; он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди, — говорит о Чехове А. И. Куприн. — Он. . . никогда не уставал надеяться на светлое будущее, никогда не переставал верить в незримую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины».

К. С. Станиславский утверждал: «Антон Павлович был самым большим оптимистом, какого

мне только приходилось видеть...». «Я вижу его гораздо чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, — писал Станиславский в другом месте, — несмотря на то, что я знавал его в плохие периоды болезни. Там, где находился больной Чехов, — чаще всего царила шутка, острота, смех и даже шалость. Кто лучше его умел смешить?.. Кто больше его ненавидел невежество, грубость, нытьё, сплетню, мещанство и вечное питьё чая? Кто больше его жаждал жизни, культуры, в чём бы и как бы они ни проявлялись? Всякое новое полезное начинание, зарождающееся учёное общество или проект нового театра, библиотеки, музея — являлись для него подлинным событием. Даже простое очередное благоустройство жизни необычайно оживляло, волновало его... Он искал во всём предвестников будущей русской и всечеловеческой культуры, не только духовной, но даже и внешней».

Эту же мысль подчёркивает в своих воспоминаниях о Чехове А. И. Куприн: «Он с одинаковой любовью ухаживал за цветами, точно видя в них символ будущей красоты, и следил за новыми путями, пролагаемыми человеческим умом и знанием. Он с удовольствием глядел на новые здания оригинальной постройки и на большие морские пароходы, живо интересовался всяким последним изобретением в области техники и не скучал в обществе специалистов...

Он верил в то, что грядущая истинная культура облагородит человечество...».

Прошло сорок лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. Эту дату — 15 июля 1944 года — народы Советского Союза отметили в условиях Отечественной войны. В дни великих испытаний и победоносной борьбы с жестоким врагом советский человек с ещё большей силой почувствовал, как близок и дорог нам этот строгий мастер русского языка, этот глубокий, такой человечный и такой русский писатель — Чехов! Какие богатства русской души, какие откровения русской природы и речи находим мы в его литературном наследии!

* * *

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге 17 (29) января 1860 года. Когда-то шумный и богатый торговый город, Таганрог в эти годы уступил первенство Одессе и Ростову, на его улицах стало тихо и пустынно. Детские годы Чехова прошли в двухэтажном домике на поросшей травой Монастырской улице; внизу помещалась маленькая бакалейная лавочка его отца Павла Егоровича, наверху в низких комнатах — семейство, жильцы.

Подобно Горькому, Чехов рано узнал русскую провинциальную жизнь. Начальной грамоте мальчик обучался в греческой школе на окраине

города среди детей ремесленников, матросов, портовых грузчиков.

В 1868 году восьмилетний Антон поступил в приготовительный класс таганрогской классической гимназии. Свободное от уроков время он должен был проводить в лавке отца, помогая ему и «приучаясь к торговле».

Чехов сетовал на то, что он вырос в среде, где слишком большое внимание уделялось деньгам. В повести «Моя жизнь» Иван Полознев говорит: «У нас в доме часто повторяли: деньги счёт любят, копейка рубль бережёт и т. п.». Так было и в семье Павла Егоровича Чехова. Тем не менее торговое дело не ладилось, капитала ему нажить не удалось. В конце концов пришло и полное разорение.

В 1873 году при таганрогском уездном училище открылись бесплатные ремесленные классы. В них могли обучаться гимназисты. И Павел Егорович решил определить сыновей Ивана, Николая и Антона в ремесленные классы, чтобы ещё до окончания гимназии «дать им верный кусок хлеба». Антон Павлович обучался сапожно-портняжному ремеслу.

Павел Егорович был человеком суровым, детей воспитывал в строгости, по старине. Он составил из сыновей хор и пел с ними в церкви. В 1892 году А. П. Чехов писал И. Л. Щеглову: «Когда я теперь вспоминаю о своём детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; ре-

лигии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками. . .».

Мать писателя Евгения Яковлевна была большой мастерицей рассказывать, и дети любили её слушать. Она рассказывала детям о том, как девочкой ехала в тарантасе через всю Россию из Шуи в Таганрог, как в Крымскую войну вражеские корабли бомбардировали Таганрог и как трудно жилось крестьянам во времена крепостного права. Евгения Яковлевна была добрым, отзывчивым человеком и воспитывала в детях любовь к природе и всему живому.

* * *

Захолустный Таганрог, в котором протекали отроческие годы Чехова, запечатлён во многих его произведениях. О нём рассказывает Чехов в повести «Моя жизнь»: «Я не понимал, для чего и чем живут все эти шестьдесят пять тысяч людей. . . И как жили эти люди, стыдно сказать! . . Богатые и интеллигентные спали в душных, тесных спальнях, на деревянных кро-

ватях с клопами, детей держали в отвратительно грязных помещениях, называемых детскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали в кухне на полу и укрывались лохмотьями... Ели невкусно, пили нездоровую воду... Всюду в домах много лет говорили о том, что у нас в городе нет хорошей и дешёвой воды и что необходимо занять у казны двести тысяч на водопровод; очень богатые люди, которых у нас в городе можно было насчитать десятка три и которые, случалось, проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили с азартом о займе — и я не понимал этого; мне казалось, было бы проще взять и выложить эти двести тысяч из своего кармана».

Чехов рано задумался над жестокостью и тупостью окружавшей его жизни и над тем, как уныло и бескультурно существование обывателей-провинциалов.

Несколько раз во время летних каникул братья — Антон и Николай — ездили в имение графа Платова Княжую, где дедушка Егор Михайлович служил управляющим. В Княжой, у дедушки, Чехов присматривался к хозяйственному быту экономии. Кузница, клуня, сад, голуби, купанье — всё занимало дружных и неистощимых на выдумки братьев.

В 1875 году живший у Чеховых чиновник Коммерческого суда познакомил их с братом, у

которого в Донецком бассейне было имение, и пригласил погостить юного Антона Павловича. На обратном пути пятнадцатилетний Чехов выкупался в реке и тяжело заболел. Заехали на постоялый двор. Корчмарь и его семья заботливо ухаживали за мальчиком, пока ему не стало лучше. Впоследствии в повести «Степь» Чехов вспомнил гостеприимную корчму, суетливого Моисея Моисеевича, его жену и брата Соломона, который сжёг свои деньги из презрения к богатству.

* * *

Чехов был живым, остроумным юношей. Он много читал, увлекался театром и сам разыгрывал перед братьями и знакомыми целые сцены. Он искусно гримировался и мог до неузнаваемости изменять голос. В библиотеке Чехов раздобывал особенно забавные рассказы и мастерски читал их. Однажды, переодевшись нищим, он отправился к дяде Митрофану Егоровичу с просительным письмом и, так и оставшись неузнанным, получил милостыню.

Была в репертуаре Чехова одна излюбленная сценка, из которой впоследствии возник известный рассказ «Хирургия». В одно мгновение Чехов превращался в «зубного врача», сосредоточенно раскладывающего свои инстру-

менты. В передней раздавался слезливый стон. В комнате появлялся старший брат Александр с подвязанной щекой. Антон Павлович с серьёзным видом успокаивал пациента, брал в руки щипцы для углей, совал их в рот Александру, и... начиналась «хирургия».

В 1876 году Павел Егорович окончательно разорился и был вынужден продать лавку и дом. Семья Чеховых перебралась в Москву. Александр в это время уже учился в университете, а Николай — в художественном училище. Антон Павлович остался кончать гимназию в Таганроге. Отец ничего присылать не мог, он служил в Москве конторщиком в Торговых рядах, и вся семья кое-как перебивалась на его тридцать рублей в месяц. Пришлось существовать случайными заработками и, главным образом, уроками. Так юный Чехов прожил три года.

В 1879 году Антон Павлович кончил таганрогскую гимназию и переехал в Москву. Он поступил на медицинский факультет Московского университета. После таганрогской гимназии лекции таких профессоров, как Эрисман, Склифасовский, Захарьин, Остроумов, увлекли Чехова и много способствовали расширению его научного кругозора.

Больше чем кто-либо из крупных русских писателей Чехов приближался к типу учёного-исследователя. В автобиографическом письме к доктору Г. И. Россолимо 11 октября 1899 года

Шумкаментальная библ-ка
Партийных Курсов
Инв. № 158361
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

Чехов писал: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьёзное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избегнуть многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными...».

* * *

С первых же дней приезда в Москву Чехову пришлось стать во главе семьи. Отец уже не был кормильцем. За работу принялись все, кто как мог и умел. Николай рисовал карикатуры для юмористических журналов, Антон писал короткие рассказы и сценки, даже младший Михаил зарабатывал черчением и перепиской университетских лекций.

Молодому Чехову пришлось начать свою литературную деятельность спешной работой во всевозможных юмористических журналах и журнальчиках, которые издавались ловкими предпринимателями. Он печатал свои ранние вещи под псевдонимами: Антоша Ч., Антоша, Чехонте,

Антоша Чехонте, Ан. Ч., Антансон, Г. Балдастов, Вспыльчивый человек, Человек без селезёнки, Брат моего брата, Врач без пациентов, Рувер и Улисс.

«Письмо к учёному соседу», написанное двадцатилетним Чеховым для «Стрекозы» (1880 г. № 10), создаёт образ тупого и дикого помещика-мракобеса и пародирует его стиль. Он хвастает своими, якобы научными, запросами и интересами, но на самом деле полон самодовольства и фальшиво-самоуничижительной «скромности». Автор письма обращается к своему учёному соседу по имению и на все лады поносит самого себя, называя себя «невеждой», «диким черепом», «нелепой головешкой», «грошовым умом» и не подозревая, что эти самоуничижительные названия вполне определяют его истинную сущность. «Не могу умолчать и не терплю, когда учёные неправильно мыслят!» — раздражённо заявляет автор письма, глупейшим образом пытаясь опровергнуть дарвиновскую теорию, которую не понимает и понять не может. В этом «Письме», которым открывается современное собрание сочинений Чехова, уже определённо намечаются характерные для чеховского творчества тенденции: борьба с мракобесием, унижением человеческого достоинства, пошлостью и рабством.

В литературной подёнщине надрывалось и гибло много молодых дарований. Только удиви-

тельной выносливостью и жизнерадостностью Чехова можно объяснить, почему он не сломился в этих трудных условиях. Писал он легко и быстро. Жизненный опыт, наблюдательность, находчивость чувствовались даже во многих ранних вещах.

В. Г. Короленко говорил, что Чехов «начинал литературную работу почти шутя, смотрел на неё частью как на наслаждение и забаву, частью же как на средство окончания университетского курса и содержания семьи».

В конце 1882 года Чехов познакомился с писателем-юмористом Н. А. Лейкиным, который издавал в Петербурге юмористический журнал «Осколки». Лейкин оценил Чехова как даровитого и многообещающего литератора и привлёк его для постоянной работы в своём журнале.

Воспитанный на традициях передового «Современника» шестидесятых годов и сатирической «Искры», близко знакомый с Глебом Успенским, Решетниковым, Помяловским, Лейкин в начале восьмидесятых годов уже был далёк от революционно-демократических настроений молодости, но всё же его «Осколки» были серьёзнее «Стрекозы», «Будильника», «Зрителя» и других московских юмористических журнальчиков. Лейкин рисковал иногда выступать с критикой полицейских порядков, с сатирой на взяточничество, растраты и кражи общественных денег.

В первые годы сотрудничества в «Осколках» Чехов ценил этот журнал и близко принимал к сердцу его интересы. Так, например, 22 января 1884 года Чехов писал Лейкину: «Читаю прилежно «Осколки»... журнал хороший, лучше всех юмористических журналов по крайней мере...».

На работу в «Осколках» Чехов смотрит как на общественно-полезное дело. Всё больше задумывается он над тем, что пора объединить лучшие и передовые литературные силы и создать хороший журнал. «Если Вам удастся сгруппировать вокруг себя все, ныне разбросанные, силёнки, — пишет Чехов Лейкину 6 августа 1883 года, — то Россия будет иметь очень сносный юмористический журнал. А силёнки есть, и хороший редактор может употребить их отечеству на пользу».

Чехов в первое время переоценивал Лейкина. Прошло несколько лет, и он убедился, что Лейкин — предприимчивый «буржуа до мозга костей».

Была и другая причина, препятствовавшая собиранию вокруг «Осколков» передовых литературных сил, — придирчивая цензура. Целые номера журнала, уже готовые к печати, иногда почти полностью вымарывались, а самое существование «Осколков» ставилось под угрозу.

С июля 1883 года и почти до конца 1885 года Чехов вёл в журнале Лейкина специальный отдел — «Осколки московской жизни». Эти не-

большие публицистические обозрения приковывали внимание Чехова к самым различным событиям московской жизни и развивали в нём острую наблюдательность. Отчёты о судебных процессах, заметки о непорядках на железных дорогах, отклики на спектакли московских театров, сценки, характеризующие быт и нравы чиновничьей, купеческой и артистической Москвы, — вся эта срочная литературная работа вводила Чехова в широкий круг, может быть, и мелких, но весьма характерных явлений русской жизни и давала материал для дальнейших творческих обобщений.

Стеснённый размерами тонкого журнала, Чехов создаёт такие выразительные миниатюры, как «Дочь Альбиона» или «Экзамен на чин», утвердившие за ним славу мастера короткого рассказа. Впоследствии сам Чехов утверждал, что писать талантливо и писать кратко — это почти одно и то же.

Чехова привлекала серьёзная литературная работа. Всё меньше удовлетворяло его сотрудничество в «Осколках», всё меньше он стремился только смешить читателей. Из-под пера Чехова появляются рассказы об униженном и оскорблённом человеке, о человеческом достоинстве, о жизни, в которой мало смешного и гораздо больше страшного.

В «Осколках» появляются такие рассказы, как «Загадочная натура», «Смерть чиновника»,

«Жалобная книга» и др. В этих вещах чувствуется будущий Чехов. В них — не лёгкий, беззаботный юмор, но глубокое раздумье о пустоте и бесплодности окружающей жизни.

С произведениями покрупнее Чехов обращался в «Будильник» и газету «Новости дня», где он поместил, между прочим, единственный роман «Драма на охоте». Роман печатался с большими перерывами, читатели теряли связь между событиями, и публикация этой первой большой вещи принесла Чехову немало огорчений.

Лейкин ревниво относился к сотрудничеству Чехова в каком-либо издании, которое конкурировало с «Осколками». И Чехову, уже пользовавшемуся заслуженным вниманием публики, приходилось уговаривать Лейкина: «Человек я семейный, неимущий, деньги надобны. В «Развлечении» платят мне 10 копеек со строки. Мне нельзя зарабатывать менее 150—180 рублей в месяц».

Тяжело жилось Чехову в годы студенчества и работы на Лейкина. Приходилось урывать время и для учения и для литературной работы. Медицинский факультет требовал серьёзных занятий. Чехов много работал и постоянно недосыпал.

В 1883 году Чехов подобрал двенадцать небольших рассказов и задумал издать сборник под названием «На досуге». Брат Антона Павловича Николай нарисовал иллюстрации. Пер-

вые семь листов книги уже были напечатаны в типографии, но у Чехова нехватило денег расплатиться с типографией, и книга так и не вышла в свет. Уцелели только два комплекта листов этого несостоявшегося издания.

Через год Чехов всё же под именем А. Чехонте издал сборник «Сказки Мельпомены». В этот сборник вошло шесть рассказов из русского театрального быта. Многое из написанного ранее наспех, для заработка, не удовлетворяло Чехова. Для сборника «Сказки Мельпомены» Чехов отобрал лучшее и, несмотря на то, что все шесть рассказов, вошедшие в сборник, были написаны недавно, он снова тщательно отредактировал их.

В 1883—1884 годах Чеховым были созданы среди множества журнальных мелочей такие превосходные рассказы, как «Загадочная натура», «Ошибка», «Толстый и тонкий», «Орден», «Экзамен на чин», «Хамелеон», «Надлежащие меры», «Винт», «Маска» и т. д. Вот почему наиболее проницательные современники уже тогда увидели в молодом Чехове крупное дарование и предрекали ему славную будущность.

* * *

Летом 1884 года Чехов окончил Московский университет и начал свою врачебную деятельность в заштатном городке Воскресенске под

Москвой, где в это время брат его Иван Павлович служил школьным учителем. В городе стояла артиллерийская батарея, которой командовал полковник Б. И. Маевский. Это был человек общительный и живой. Каждый день в его доме собиралось небольшое интеллигентное общество. Чехов привык к семье Маевских и особенно сдружился с детьми Аней, Соней и Алёшей, которых потом описал в рассказе «Детвора».

Среди офицеров-артиллеристов были образованные, передовые люди. Чехов беседовал с ними о русской жизни, о литературе, в частности о Щедрине. Знакомство с офицерской средой впоследствии пригодилось Чехову, когда он работал над пьесой «Три сестры».

В двух верстах от Воскресенска в Чикине была больница, которой заведывал известный земский врач П. А. Архангельский. К нему на практику съезжались студенты-медики последних курсов и даже молодые врачи. Чехов стал бывать в Чикине и вскоре начал в больнице принимать больных.

Работа в больнице сблизила Чехова с жизнью русской провинции, он присмотрелся к быту крестьян, земских врачей и фельдшеров. Медицинской практикой в Чикине навеяны такие рассказы Чехова, как «Хирургия», «Беглец» и «Токарь».

У П. А. Архангельского Чехов познакомился

с молодым врачом С. П. Успенским, который, часто приезжал из Звенигорода, где заведывал земской лечебницей. Успенский уговорил Антона Павловича заменить его на время отпуска, и Чехов вместе с младшим братом Михаилом отправился в Звенигород.

В Звенигороде, небольшом уездном городе Московской губернии, Чехову пришлось принимать в амбулатории больных, ездить на вскрытия, присутствовать в качестве эксперта на суде, посещать заседания уездных съездов, встречаться с чиновниками, помещиками, горожанами, крестьянами. Поездки по Звенигородскому уезду отразились в рассказах Чехова «Мёртвое тело», «На вскрытии» и др.

Осенью 1884 года Чехов вернулся в Москву. Продолжая заниматься медицинской практикой, он, не прерывая литературной работы, регулярно посылал Лейкину в Петербург «Осколки московской жизни», а также всевозможные мелкие рассказы. Медицина отнимала у Чехова много времени, но Чехов долго не хотел расстаться с деятельностью врача. Даже будучи известным писателем, он считал своей главной профессией медицину. «Я чувствую себя бодрее и довольнее собой, когда сознаю, что у меня два дела, а не одно. . .», — говорил Чехов в 1888 году.

Но здоровье Чехова было подорвано. В декабре 1884 года открылось кровохарканье — яв-

ный признак туберкулёза. Зашла речь о поездке за границу или в Крым, но затем наступило некоторое улучшение. Чехов попрежнему увлёкся работой, ему даже показалось, что никакого туберкулёза нет, что это ложная тревога.

* * *

В Воскресенске у брата Ивана Павловича летом 1884 года Чехов познакомился с семьёй А. С. Киселёва. Это была культурная и даровитая семья. М. В. Киселёва писала рассказы для детей; её отец, известный в своё время директор московских императорских театров В. П. Бегичев, был превосходным рассказчиком всевозможных случаев из жизни писателей, композиторов и артистов. Чехов любил слушать Бегичева и некоторые его рассказы воспроизвёл в своём творчестве.

В пяти верстах от Воскресенска у Киселёвых было имение Бабкино. Антону Павловичу очень понравились Киселёвы, и летом 1885 года Чеховы сняли дачу в Бабкине. Здесь, в тихом уютном флигеле, Чехов провёл и летние месяцы 1886 и 1887 годов.

Просыпались в Бабкине рано. Часов в семь утра Чехов уже сидел у себя в комнате и писал, поминутно поглядывая в большое квадратное окно, где дымилась утренним паром река, а за ней синел далёкий лес. Обычно Чехов работал

до обеда. Природа и люди Бабкина отразились в его рассказах. «Здесь, в Бабкине, случился «Налим», — вспоминает М. П. Чехов. — Я как сейчас вижу и купальню, и мужиков, и пастуха». В бабкинской купальне однажды утром 1885 года Чехов написал своего «Егеря».

Перед обедом приходила почта. Получались все толстые журналы и несколько газет. За столом говорили о музыке и литературе. Обсуждались только что напечатанные рассказы Антона Павловича.

После обеда всей кампанией шли в лес по грибы. Чехов любил искать грибы и говорил, что за этим занятием легче возникают темы новых рассказов.

Около леса стояла одинокая Полевищенская церковь. По ночам до Бабкина долетали унылые удары колокола. Эта церковь, с домиком для сторожа у почтовой дороги, дала Чехову мысль написать рассказы: «Ведьма» и «Недоброе дело».

Вечерами обитатели Бабкина собирались в большом барском доме у Киселёвых.

«Это были превосходные вечера, — рассказывает М. П. Чехов. — А. С. Киселёв и В. П. Бегичев сидели у стола и раскладывали пасьянсы, тенор Владиславлев пел, гувернантка Елизавета Александровна аккомпанировала, а все Чеховы усаживались вокруг Марии Владимировны и слушали её рассказы о заграннце, о Чайков-

ском, Даргомыжском, Сальвини. Я положительно могу утверждать, что любовь к музыке родилась у Антона Павловича именно здесь. Антон Павлович шутил, был всегда весел...»

По соседству, в Максимовке, жил известный художник И. И. Левитан. Вскоре он переселился в Бабкино. Левитан рисовал в альбоме крымские виды и бабкинские пейзажи, Чехов делал под его рисунками шуточные подписи.

В Бабкине Чехова радовала близость к русской природе. Вместе с тем он внимательно присматривался к жизни крестьян.

Это была едва ли не самая счастливая пора в жизни Чехова.

* * *

«Я писал, как птица поёт, — говорил Чехов о раннем периоде своей писательской деятельности. — Сяду и пишу... Само писалось. Я мог писать, когда угодно. Написать очерк, рассказ, сценку мне не стоило никакого труда... Я брал жизнь и, не задумываясь над нею, тормошил её туда и сюда...»

В декабре 1885 года Чехов впервые посетил Петербург. В редакциях газет и журналов молодого писателя встретили тепло и радушно. И Чехов задумался о своём дальнейшем пути.

О новом для Чехова сознании ответственности за свою работу свидетельствует и письмо к

товарищу по «Осколкам» В. В. Билибину: «Радуюсь, что мои «шутки» в «Петербургской газете» нравятся Вам, но, аллах керим, своими акафистами вы все окончательно испортили мою механику. Прежде, когда я не знал, что меня читают и судят, я писал безмятежно, словно блины ел: теперь же пишу и боюсь...».

В начале 1886 года в типографии Р. Р. Голике печатался сборник А. П. Чехова «Пёстрые рассказы», который было предположено издать под псевдонимом А. Чехонте.

Когда писатель Д. В. Григорович узнал о том, что готовится издание этого сборника, он обратился к молодому автору с письмом: «У вас настоящий талант, — талант, выдвигающий вас далеко из круга литераторов нового поколения. Я не журналист, не издатель; пользоваться вами я могу только читая вас; если я говорю о вашем таланте, говорю по убеждению; мне минуло 65 лет, но я сохранил ещё столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за её успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не смог, — как видите, — утерпеть и протягиваю вам обе руки... Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, ко-

торый даётся редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю ваших средств; если у вас их мало, голодайте лучше, как мы в своё время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценён, чем сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам...». «На-днях, говорили мне, выходит книга с вашими рассказами; если она будет под псевдонимом Чехонте, — убедительно прошу вас телеграфировать издателю, чтобы он поставил на ней настоящее ваше имя».

Григорович утверждал, что после «Егеря», «Налима» и «Лошадиной фамилии», напечатанных в «Петербургской газете», а также последних рассказов, помещённых в «Новом времени», имя Чехова будет иметь больше успеха у публики.

Письмо Григоровича произвело на Чехова большое впечатление. Чехов почувствовал, что «старик... пишет тепло и искренно». Тотчас же по получении этого письма Чехов отвечал Григоровичу:

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе... Если у меня есть дар, который

следует уважать, то, каюсь перед чистотою вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным... За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы и — пошла писать! Это первая причина... Вторая — я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне... Доселе относился я к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который вам понравился, я писал в купальне! Как репортёры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, не мало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Но вот нежданно-негаданно явилось ко мне ваше письмо. Простите за сравнение, оно подействовало на меня, как губернаторский приказ «выехать из города в 24 часа!», т. е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз... Поставить на книжке моё настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана. Мне многие петербуржцы ещё до вас советовали не

портить книги псевдонимом, но я не послушался, вероятно, из самолюбия. Книжка моя мне очень не нравится. Это винегрет, беспорядочный сброд студенческих работишек, ощипанных цензурой и редакторами юмористических изданий. Я верю, что, прочитав её, многие разочаруются. Знай я, что меня читают и что за мной следите вы, я не стал бы печатать этой книги.

Вся надежда на будущее. Мне ещё только 26 лет. Может быть успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро».

«Пёстрые рассказы» вызвали целый ряд критических откликов. Наряду с сочувственными рецензиями появились и недоброжелательные отзывы. Особенно резким и несправедливым был отзыв известного критика Л. Скабичевского, помещённый в журнале «Северный вестник». Его разбор «Пёстрых рассказов» произвёл на Чехова самое тягостное впечатление.

Однако, несмотря на разноречия и споры после выхода в свет «Пёстрых рассказов», имя А. П. Чехова стало широко известным. По словам В. Г. Короленко, «вся книга, проникнутая ещё какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, несколько лёгким отношением к жизни и литературе, сверкала юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Че-

ховy свойственной печали, уже прокрадывавшиеся кое-где сквозь яркую смешливость, — ещё более оттеняли молодое веселье этих, действительно «пёстрых» рассказов».

* * *

Пожелания Григоровича, чтобы Чехов оставил срочную работу и отдался «труду обдуманному, писанному не в один присест, но в счастливые часы внутреннего настроения», соответствовали давним стремлениям самого Чехова. Среди дорогих Чехову образов и картин, которые он «берёг и тщательно прятал», чтобы не потратить на очередной юмористический рассказ, были воспоминания о родной приазовской степи, по которой в отроческие и юные годы ему столько приходилось ездить. И вот, решившись засесть за большую, вдохновенную литературную работу, Чехов обратился к памятным поездкам в Княжую и Крипичку, к степи, которую любил и где чувствовал себя «как дома, и знал там каждую балочку».

Но на родине Чехов не был восемь лет, со времени окончания гимназии. Многие впечатления уже потускнели. Прежде чем приступить к работе над повестью о степи и о воспоминаниях детства, Чехов в начале апреля 1887 года отправился в Донецкие степи и в Таганрог.

С дороги Чехов присылал родным письма-

дневники. По ним можно точно восстановить маршрут поездки и происхождение целого ряда творческих замыслов.

Так, например, от железнодорожного контролёра Чехов услышал рассказ о том «как Лозово-Севастопольская дорога украла у Азовской 300 вагонов и выкрасила их в свой цвет». Эта история отразилась в рассказе «Холодная кровь».

Новые люди, весенняя природа, степь — взволновали и освежили Чехова. Но Таганрог произвёл грустное впечатление. «Пробираясь... через Новый базар, — писал Чехов, — я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынны; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка [1] в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, уменье довольствоваться грошами и неопределённым будущим...»

Многочисленные картины из жизни русской провинции восьмидесятых и девяностых годов воссозданы Чеховым главным образом по таганрогским впечатлениям. Таганрог был для Чехова типично обывательским городом, «где едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки,

[1] Предместье Таганрога.

разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством».

В конце апреля Чехов заехал в степную глушь, в небольшую усадьбу к Кравцову, где он бывал ещё в гимназические годы.

В рассказе «Печенег», написанном позднее, Чехов вспомнил о жизни на хуторе в Донецкой степи и запечатлел образы отставного казачьего офицера и его рослых сыновей.

Поездкой по степи весной 1887 года навеяны также рассказы «В родном углу», «Святой ночью», «Перекати-поле» и, главным образом, повесть «Степь».

* * *

С детских лет Чехов был страстным театралом. Неудивительно, что его профессиональной литературной работе предшествовали театрализованные импровизации и всевозможные сценки. Будучи студентом, Чехов написал специально для бенефиса Ермоловой какую-то пьесу, но потерпел неудачу и уничтожил своё произведение. В 1885 году Чехов переработал рассказ «Осенью» в драматический этюд «На большой дороге». Цензура не разрешила к постановке этот этюд: «Мрачная и грязная пьеса эта, — писал цензор, — по моему мнению не может быть дозволена».

В первой половине сентября 1887 года, по предложению владельца театра — Ф. А. Корша,

Чехов принялся за работу над новой пьесой, и в какие-нибудь две недели драма «Иванов» была готова. О герое этой пьесы Чехов говорил: «Иван Иванович Иванов...[1] понимаете? Ивановых тысячи... Обыкновеннейший человек, совсем не герой... И это именно очень трудно...».

В своей пьесе Чехов поставил задачей, как он сам определил, — дать типическую для того времени фигуру разочаровавшегося общественного деятеля, как бы завершающую галлерею «лишних людей».

В одном из писем Чехов так охарактеризовал свой замысел: «Я лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях и своим Ивановым положить предел этим писаниям. Мне казалось, что всеми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылого человека и что все они писали инстинктивно, не имея определённых образов и взглядов на дело».

Чехов утверждал, что образ Иванова — результат наблюдения и изучения жизни. Но он не был доволен пьесой, полагая, что его персонажи получились недостаточно живыми и ясными. Ещё менее был удовлетворён Чехов первым спектаклем в театре Корша 19 ноября 1887 года.

---

[1] В окончательной редакции Иванова зовут Николаем Алексеевичем.

После постановки «Иванова» Чехов несколько раз переделывал пьесу, особенно её конец. Для Александринского театра в Петербурге Чехов снова переработал пьесу и стилистически и композиционно. Эта вторая постановка, осуществлённая в начале 1889 года, имела громадный успех. Пьеса надолго завладела вниманием публики и печати.

* * *

Осенью 1887 года через Москву в Петербург проезжал В. Г. Короленко. Этот писатель-общественник уже знал рассказы Чехова и теперь захотел с ним познакомиться. В своих воспоминаниях Короленко описал эту первую встречу:

«Передо мною был молодой и ещё более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим ещё характерных, юношеских очертаний. ...Мне Чехов казался молодым дубком, пускающим ростки в разные стороны, ещё коряво и порой как-то бесформенно, но в котором уже угадывается крепость и цельная красота будущего могучего роста... В выражении лица и в манерах тогдашнего Чехова мне вспоминается какая-то двойственность: частию это был ещё беззаботный Антоша Чехонте, весёлый, удачливый, готовый посмеяться между прочим над «умным дворни-

ком», рекомендующим в кухне читать книги, и над парикмахером, который во время стрижки узнаёт, что его невеста выходит за другого, и потому оставляет голову клиента недостриженной... Образы теснились к нему весёлой и лёгкой гурьбой, забавляя, но редко волнуя... Но теперь в этом беззаботном настроении происходила заметная перемена: и сам Антон Павлович, и его семья не могли не заметить, что в руках Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка, — но великая драгоценность, обладание которой может оказаться очень ответственным. Кажется, в то время был уже напечатан (в «Новом времени») очерк «Святою ночью», чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, ещё примиряющей и здоровой, но уже, как небо от земли, удалённой от беспредметно смешливого настроения большинства «Пёстрых рассказов». И в лице Чехова, недавнего беззаботного сотрудника «Осколков», проступало какое-то особенное выражение».

Чехов был рад встрече с В. Г. Короленко, которого знал и ценил как писателя.

В те годы читатели и журналисты часто сопоставляли творчество Чехова и Короленко, и обычно это сопоставление делалось в пользу Чехова. 18 января 1887 года Чехов писал своему дяде Митрофану Егоровичу: «Надо вам сказать, что в Петербурге я теперь самый мод-

ный писатель. Это видно из газет и журналов, которые в конце 1886 года занимались мной, трепали на все лады моё имя и превозносили меня паче заслуг. Следствием такого роста моей литературной репутации является изобилие заказов и приглашений, а вслед за оными — усиленный труд и утомление. Работа у меня нервная, волнующая, требующая напряжения... Она публична и ответственна, что делает её вдвое тяжкой... Каждый газетный отзыв обо мне волнует и меня и мою семью...».

Однако соперничество Чехова с Короленко не повредило их личным отношениям. Оба писателя уважали друг друга и были выше мелкого литературного честолюбия.

С годами дружба писателей крепла. Чехов внимательно следил за литературной работой В. Г. Короленко и откликался на каждую новую его удачу. «Ваш «Соколинец», мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени, — говорил Чехов в письме к Короленко 9 января 1888 года. — Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом. Вообще в вашей книге вы такой здоровенный художник, такая силища, что ваши даже самые крупные недостатки, которые зарезали бы другого художника, у вас проходят незамеченными».

5 февраля 1888 года в письме к А. Н. Пле-

щееву Чехов говорил о Короленко: «Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен, хотя местами изыскан, образы благородны».

В том же году, собираясь в поездку на Украину, Чехов 2 мая писал В. Г. Короленко: «Дорóгой буду читать вашего «Слепого музыканта» и изучать вашу манеру».

Следующие встречи Короленко с Чеховым были не часты, но на всю жизнь оба писателя сохранили друг к другу чувства уважения и бережного внимания.

* * *

В конце 1887 года Чехов приступил к воплощению уже созревшего замысла — повести «Степь». 9 января 1888 года он сообщал В. Г. Короленко: «С вашего дружеского совета я начал маленькую повестушку для «Северного вестника». Для почина взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха написать лишнее, я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоняя друг друга, губят общее впечатление. В результате получается не картина, в которой все частности, как звёзды на небе, слились

в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений».

Это письмо свидетельствует о большой требовательности к себе Чехова-художника.

В музыкальной повести «Степь» Чехов раскрыл богатство и красоту южнорусской земли, воссоздал поэзию степной дороги: «Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган, или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землёю ночная птица, и мало-по-малу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полёте ночной птицы, — во всём, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа даёт отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь её тоскливый, безнадёжный призыв: певца! певца!».

Этим певцом степи стал Чехов. Вместе с тем в своей повести Чехов на фоне степной приро-

ды превосходно показал мироощущение десятилетнего Егорушки, в котором несомненно многое навеяно отроческими воспоминаниями Чехова. «Степь» может быть поставлена в одном ряду с такими классическими книгами о детстве, как «Детство и отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского и «Детство» Горького.

В начале февраля 1888 года «Степь» была закончена и рукопись отправлена в Петербург. Ещё до напечатания повести А. Н. Плещеев писал Чехову: «Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать вам не могу и никаких замечаний не могу сделать, кроме того, что я в безумном восторге. Эта вещь захватывающая и я предсказываю вам большую, большую будущность».

Высоко оценили «Степь» М. Е. Салтыков-Щедрин и Вс. Гаршин. Однако «Степь» далась Чехову совсем не так легко, как это казалось восхищённым читателям. Работа над повестью взяла много сил. Чехов замечательно ярко и красочно воспел в своей повести богатырский размах России: «Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажен. Своим простором она возбудила в Его-

рушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно. Можно, в самом деле, подумать, что на Руси ещё не перевелись громадные, широко-шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья-Разбойника, и что ещё не вымерли богатырские кони. Егорушка, взглянув на дорогу, вообразил штук шесть высоких, рядом скачущих колесниц, вроде тех, какие он видывал на рисунках в священной истории; заложены эти колесницы в шестёрки диких, бешеных лошадей и своими высокими колёсами поднимают до неба облака пыли, а лошадьми правят люди, какие могут сниться или вырастать в сказочных мыслях. И как бы эти фигуры были к лицу степи и дороге, если бы они существовали!»

О величии русской природы, о могучих силах родной земли Чехов заговорил в полный голос в повести «Степь». И с тех пор эта тема стала одной из любимых тем нашего писателя на протяжении всего творческого пути.

* * *

В 1884—1885 годах Чехов начал писать научную работу под названием «Врачебное дело в России», но труд этот остался незавершённым. Чехов делал выписки из летописей, из «Истории государства Российского» Карамзина, изу-

чал народные лечебники. Особенно интересовался Чехов русским фольклором.

В восьмидесятые годы, да и позже, часто высказывалось мнение, что для талантливого писателя наука бесполезна и даже вредна, что она сковывает фантазию. Чехов никогда не соглашался с такой теорией, говоря: «И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — чорта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает ещё историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче, — стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естественник».

Врачебно-медицинская практика значительно обогащала жизненный опыт Чехова и расширяла круг его наблюдений. Вот почему Чехов-художник многим обязан Чехову-врачу. И наоборот: наблюдательный художник был превосходным, чутким врачом.

Образ русского, чаще всего земского, врача и вопрос о его месте и значении в русской жизни занимает большое место в творчестве Чехова. Врачу и медицине принадлежит ведущая роль в таких произведениях Чехова,

как «Враги», «Следователь», «Беглец», «Припадок», «Попрыгунья», «По делам службы», «Случай из практики», «На вскрытии», «Скучная история», «Палата № 6», «Ионыч» и др., а также драмы «Иванов», «Леший» и «Дядя Ваня», где среди действующих лиц выведены врачи и среди них любимый персонаж Чехова — доктор Астров.

С полным правом можно утверждать, что именно Чехов ввёл в русскую литературу земского врача. Никто из наших писателей не понимал лучше Чехова тяжёлое положение русского земского врача — труженика и общественника, находившегося при царизме в очень тяжёлых условиях. «Целый день в больнице, то в разъездах, — восклицает врач Соболь в рассказе «Жена», — не только что к любимой женщине съездить, но даже книжку прочесть некогда. Я мужлан, одичал в глуши, огрубел. Что же касается до материальной стороны, то табаку купить иной раз не на что».

Так же хорошо знал и понимал Чехов ещё более тяжкое положение низшего медицинского персонала, за который убедительно, хотя и безрезультатно, заступается земский врач в рассказе «Неприятность».

Чехов придавал большое значение клинической точности описаний психических и физических состояний героев литературных произведений. Так, он отмечал, что болезнь студента Ва-

сильева в его рассказе «Припадок» описана правильно. После появления в печати рассказа «Именины», 15 ноября 1888 года, Чехов с удовлетворением писал: «Своими «Именинами» я угодил дамам. Куда ни приїду, везде славословят. Право, не дурно быть врачом и понимать то, о чём пишешь. Дамы говорят, что роды описаны в е р н о». Незадолго до этого в письме к А. Н. Плещееву он говорил: «я врач, и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи». Относительно повести «Чёрный монах» Чехов указывал, что, воссоздавая болезнь Коврина, он изобразил манию величия.

В 1887 году Чехов прочитал в «Русской мысли» очерк Д. В. Григоровича «Сон Карелина». Сохранился черновик письма Чехова к Григоровичу по этому поводу: «Мне кажется, что мозговая работа и общее чувство спящего человека переданы вами физиологически верно и замечательно художественно. Я помню, читал 2—3 года тому назад французский рассказ (имя автора я не помню, а заглавие, кажется, «Шерри»), где автор, описывая дочь министра, вероятно сам того не подозревая, дал верную клиническую картину истерии; тогда же я подумал, что чутьё художника стóит иногда мозгов учёного, что то и другое имеют одни цели, одну природу, и что, быть может, со временем при совершенстве методов им суждено слиться

вместе в гигантскую чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себе.

С[он] К[арелина] навёл меня на такие же мысли, и сегодня я охотно верю Боклю, который в рассуждениях Гамлета о прахе Ал[ександра] Ма-к[едонского] и глине видел знакомство Шекспира с законом обмена веществ, т. е. способность художников опережать людей науки».

Затем Чехов даёт точный анализ своих снов и материалистически объясняет происхождение конкретных образов сновидений. Художник и врач сливаются в этом письме воедино, и чутьё художника в данном случае стóит точного знания естествоиспытателя.

Подобно тому, как вдумчивый врач исследует больной организм, Чехов-писатель всесторонне, последовательно и объективно, без каких бы то ни было иллюзий, изучал жизнь и фиксировал «историю болезни» окружающего его общества. «Простой человек смотрит на луну, — говорил Чехов, — и умиляется, как перед чем-то страшно таинственным и непостижимым. Ну, а астроном смотрит на неё совсем другими глазами... у него уже нет и не может быть никаких иллюзий. И у меня, как у медика, их тоже мало».

* * *

1888 и 1889 годы были периодом необыкновенного душевного и творческого подъёма в жизни Чехова.

Небольшая квартира Чеховых всегда была полна знакомыми, главным образом молодёжью. Петербургские литераторы Григорович, Плещеев, Лейкин и другие, бывая в Москве, считали своим долгом посетить Чехова. Однажды к Чехову запросто пришёл П. И. Чайковский и подарил ему свою фотографию с надписью: «А. П. Чехову от пламенного почитателя. 14 октября 1889 года. П. Чайковский». Речь шла о музыке, о литературе. Чайковский предполагал написать оперу «Бэла» по Лермонтову и хотел, чтобы Чехов сделал для неё либретто. На другой день Чехов писал: «Вчера был у меня П. Чайковский, что мне очень польстило: во первых большой человек, во вторых, я ужасно люблю его музыку, особенно Онегина. Хотим писать либретто».

Опера «Бэла» так и не была создана, но знакомство и переписка между великим русским композитором и Чеховым завязались, а вскоре Чехов посвятил Чайковскому свою книгу рассказов «Хмурые люди».

В 1888—1889 годы, после «Степи», Чеховым были написаны такие значительные вещи, как «Огни», «Именины», «Припадок» и «Скучная история», не говоря уже о мелких рассказах. Всё больше крепли связи Чехова с театром. По всей России с большим успехом игрались водевили Чехова «Медведь», «Предложение» и «Свадьба».

В переписке Чехова к этому времени относятся многочисленные упоминания о работе над двумя романами. Но ни один из этих романов так и не был завершён.

Лето 1888 г. Чехов провёл на Украине в живописной усадьбе А. В. Линтваревой Лука, на берегу реки Псла, недалеко от города Сумы. Затем Чехов жил некоторое время в Феодосии, где было задумано далёкое путешествие в Среднюю Азию и Персию. Чехов отправился морем до Батума, затем через Тифлис добрался до Баку. Здесь путешествие было прервано. Особенно понравилась Чехову Военно-Грузинская дорога. «Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ, написанный демоном, который влюблён в Тамару».

Осенью 1888 года Чехов выступил в газетах с рядом публицистических статей («Московские лицемеры», «Наше нищенство» и др.).

Особый интерес представляет статья по поводу смерти известного исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Чехов говорит о громадном воспитательном значении таких людей, как Пржевальский. «Один Пржевальский, или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство... стремле-

ние к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие... их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и науку — делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».

Для Чехова Пржевальский был человеком «подвига, веры и ясно сознанной цели». 27 октября 1888 г. в письме к Е. М. Линтваревой, отправленном на другой день после появления статьи о Пржевальском, Чехов говорил: «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно».

В октябре 1888 г. за сборник рассказов «В сумерках» Чехову была присуждена в половинном размере Пушкинская премия Академии наук. Чехов был рад этому почётному признанию.

«Премия для меня, конечно, счастье и, если бы я сказал, что она не волнует меня, то солгал бы, — писал Чехов Д. В. Григоровичу 9 октября. — Я себя так чувствую, как будто кончил курс, кроме гимназии и университета, ещё где-то в третьем месте. Вчера и сегодня я брожу из угла в угол, как влюблённый, не работаю, а только думаю...»

Весной 1889 года тяжело заболел брат Чехова, художник Николай Павлович. Сначала думали, что у него тиф, потом выяснилось — это скоротечная чахотка. Болезнь брата совершенно выбила Чехова из колеи.

Вскоре Николая Павловича перевезли в Луку; 17 июня он умер.

После похорон брата, гонимый тоской и грустными мыслями, Чехов отправился на юг. Несколько недель прожил он в Одессе, где сдружился с актёрами московского Малого театра, который туда приезжал на гастроли. Затем он жил в Ялте и в сентябре вернулся в Москву.

Жизнь брала своё. Надо было думать о работе. Надо было закончить начатую ещё весной «Скучную историю». Когда эта повесть была напечатана в ноябрьской книжке «Северного вестника», А. Н. Плещеев сообщал Чехову из Петербурга: «Со всех сторон слышу восторженные похвалы вашей повести: от людей разных мнений, кружков и лагерей. Некоторые говорят даже, что это лучше всего вами до сих пор написанного; другие, что повесть оставляет глубокое впечатление; третьи, что это совсем ново, и наконец, что это выдающаяся вещь...».

В этой повести, написанной в форме записок заслуженного профессора Николая Степановича, современника и друга Пирогова, Кавелина и Некрасова, Чехов рассказывает о скучной и бездушной жизни русской университетской интеллигенции второй половины XIX века. Герой повести Николай Степанович — мыслящий и преданный науке человек. Но даже этот «хозяин» науки, знаменитый профессор, оказывает-

ся беспомощным перед лицом жизни. Воспитанница его Катя обращается к нему с таким же вопросом, с каким когда-то Наташа обратилась к Рудину: «Я не могу дольше так жить. Скажите скорее, что мне делать?». И растерявшийся Николай Степанович отвечает: «Что же я могу сказать... Ничего я не могу...». Катя просит помощи, настаивает: «Ведь вы умны, образованы, долго жили. Вы были учителем... Говорите же, что мне делать?». — «По совести, Катя, не знаю, — отвечает Николай Степанович. — Давай завтракать».

Чехов правдиво запечатлел в этой повести образ растерявшегося интеллигента, который во многом напоминает героя пьесы «Иванов». Характерно, что Чехов неоднократно предупреждал, чтобы читатели не принимали профессорские рассуждения за мысли автора.

Едва закончив «Скучную историю», Чехов в короткий срок написал четырёхактную пьесу «Леший». Эта пьеса была поставлена 27 декабря 1889 г. на сцене частного московского театра Абрамовой. Пьеса в отличие от «Иванова» успеха не имела. Впоследствии она была переделана в драму «Дядя Ваня».

Именно по поводу «Лешего» Чехов однажды сказал: «Пусть на сцене всё будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в

это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...».

В этих словах Чехова — основной принцип его реализма. Художник ничего не должен выдумывать. Он должен подметить наиболее характерное и правдиво показать своему читателю и зрителю эту сложную жизнь.

* * *

В начале 1890 года младший брат Чехова Михаил окончил курс юридического факультета и готовился к государственным экзаменам. Антон Павлович часто брал у него лекции по уголовному праву, судопроизводству и тюрьмоведению. Однажды, просматривая курс уголовного права, Чехов сказал:

— Всё наше внимание к преступнику сосредоточено на нём только до момента произнесения над ним приговора. А как сошлют на каторгу, так о нём все и позабудут. А что делается на каторге! Воображаю!

В скором времени, неожиданно для своих близких, Чехов решил отправиться на Сахалин, чтобы изучить русскую каторгу. Ему не хотелось ехать неподготовленным. И Чехов засел за книги, стал штудировать работы по статистике, специальные труды о Сахалине, о тюрьмах в России и за границей. Сестра Чехова и её подруги целые дни

проводили в Румянцевской библиотеке, делая необходимые выписки.

Чехову не хотелось, чтобы его поездке был придан официозный характер. Поэтому без всяких официальных рекомендаций, только с корреспондентским удостоверением в кармане, в апреле 1890 года он отправился в далёкое путешествие.

Была поздняя весна. Предстояло от Ярославля доехать до Казани по Волге, затем по Каме добраться до Перми и железной дорогой до Тюмени. Великого Сибирского пути тогда ещё не было. На тарантасе и по рекам нужно было проехать до Сахалина более четырёх тысяч вёрст.

Эта поездка и для человека с железным здоровьем была бы настоящим подвигом. Переправы через разлившиеся реки требовали большой выдержки и самообладания. На глухих перегонах не всегда удавалось раздобыть пищу. Весенняя распутица была такая, что Чехов «не ехал, а полоскался». Потом начались жара, пыль, удушливый дым лесных пожаров. Но Чехов был вынослив и нетребователен. Он бодро продолжал путь, жадно всматриваясь в окружающую глушь.

С дороги Чехов посылал в газеты путевые очерки, которые появились затем под общим заглавием «Из Сибири». В этих очерках — живое описание сибирских трактов с ямщиками, пере-

селенцами, этапами арестантов. Много внимания уделено сибирской природе, тайге.

Чехов ехал по Сибири, богатейшая страна проходила перед его глазами, и он часто задумывался о России: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землёй».

Но, отмечая неустроенность и дикость этого богатого края, Чехов был убеждён, что Сибири суждена великая будущность: «на Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась... На этом берегу — Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

11 июля 1890 года Чехов прибыл на Сахалин. В его распоряжении было два месяца, иначе он рисковал не поспеть к последнему пароходу. Работать пришлось напряжённо. Уже на обратном пути, находясь на борту парохода «Байкал», в письме от 11 сентября 1890 года Чехов сообщал: «Прожил я на Северном Сахалине ровно два месяца...Я видел всё; стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел.

Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое ещё не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел всё, но слона-то не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю не мало надежд».

13 октября 1890 года на пароходе Добровольного флота «Петербург» Чехов отправился в обратный путь через Индию, Сингапур, Цейлон, Порт-Саид, Константинополь и Одессу.

Чехову очень понравился Цейлон. По этому острову железной дорогой он проехал более ста километров и, по собственному признанию, чувствовал себя, как в раю.

В Индийском океане Чехов бросался с палубы в море, а затем ловил брошенную ему с кормы верёвку. В одно из таких купаний он заметил невдалеке от себя акулу и стаю рыб «лоцманов»,

которых потом описал в рассказе «Гусев». 9 декабря Чехов вернулся в Москву.

В марте 1891 года Чехов отправился в путешествие по Южной Европе. Вена понравилась Чехову, но Венеция превзошла все его ожидания. К сожалению, вскоре начались дожди и сильно испортили настроение. Флоренция уже не увлекла Чехова: «Италия без солнца — это всё равно, что лицо под маской», — писал он сестре. Рим произвёл впечатление губернского города. Чехов устал, его потянуло домой.

Чехов любил живопись, именно в Италии он оценил архитектуру, но характерно, что не произведения искусства больше всего занимали его во время путешествия, но жизнь с её типичными бытовыми особенностями: гид, с особенной лысой головой, голос продавщицы фиалок на площади святого Марка, непрерывные звонки на итальянских станциях...

К западной цивилизации и быту капиталистических городов Чехов отнёсся критически. Особенно не понравилось Чехову в шумном и нарядном Монте-Карло: «До какой степени презренна и мерзка эта жизнь с её артишоками, пальмами, запахом померанцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну».

И Чехову даже с добрым чувством вспоминались недавние лишения, которые пришлось претерпеть в Сибири: «Мне ужасно надоело, — писал он сестре, — завтракать, обедать и спать. На всё это заграницей тратится очень много времени. Сибирь, где путешественники не завтракают, не обедают и не спят, в этом отношении гораздо лучше. Там не ешь и потому чувствуешь себя как на крыльях».

Побывав на весенней выставке картин в Париже, Чехов замечает: «русские художники гораздо серьёзнее французских... в сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король».

В апреле 1891 года Чехов вернулся в Москву, а затем уехал в Калужскую губернию, где поселился в заброшенной усадьбе Богимово.

Чехов жил в старинном доме екатерининских времён. «Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией». Так впоследствии описал эту усадьбу Чехов в рассказе «Дом с мезонином».

В Богимове написана повесть «Дуэль» и подготавливалась к печати книга «Остров Сахалин». «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом, — сообщал Чехов в письме от 18 мая 1891 года, — трудно писать о таких штуках, но всё-

таки в конце концов поймал чорта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно».

Статьи о Сахалине сначала были напечатаны в «Русской мысли» за 1893 и 1894 годы, а затем в 1895 году вышли отдельной книгой. Чехов придавал своему «Острову Сахалину» большое значение и даже предполагал представить эту работу в качестве диссертации. После поездки Чехова на Сахалин Главное Тюремное управление командировало туда криминалиста А. Дриля и тюрьмоведа Л. Саломона, чтобы проверить данные, сообщённые Чеховым. Их поездка подтвердила правоту Чехова. Последовавшие вскоре реформы в области каторги и ссылки произошли под несомненным воздействием книги Чехова.

Ещё до выхода в свет этой книги Чехов был избран в 1891 году членом географического отдела Общества любителей естествознания.

*
* *

Осенью 1891 года во многих губерниях России вследствие неурожая начался тяжёлый голод. Помощь голодающим, организованная царским правительством, была недостаточна. Лучшие силы русской общественности немало сделали в это трудное время для того, чтобы облегчить лишения пострадавшего крестьянства. Известно, какую широкую помощь голодающим оказали Л. Н.

Толстой и В. Г. Короленко. От этого большого общественного движения не остался в стороне и Чехов. С помощью своего приятеля — земского начальника Е. П. Егорова — Чехов организовал в Нижегородской губернии закупку лошадей, чтобы весной распределить их среди пострадавшего крестьянства. В связи с этим в январе 1892 года Чехов совершил поездку по Нижегородской губернии. По возвращении в Москву он писал: «Голод газетами не преувеличен. Дела плохи... При мне на 20 тысяч человек было прислано из Петербурга 54 пуда сухарей. Благотворители хотят пятью хлебами пять тысяч насытить».

В феврале 1892 года Чехов ездил в Воронежскую губернию. Местная интеллигенция и либеральное чиновничество принимали и чествовали Чехова как известного писателя. Но торжественные обеды и благотворительные вечера только раздражали Антона Павловича, ему хотелось настоящей кипучей деятельности.

Вскоре после возвращения из Воронежской губернии Чехов купил небольшое имение около села Мелихово в Серпуховском уезде Московской губернии. Это была плохо устроенная усадьба среди пустырей и вырубленного леса.

Ещё лежал глубокий снег, когда Чеховы переехали в Мелихово. Дом был отремонтирован. В самой большой комнате с итальянскими окнами устроили кабинет Антона Павловича.

Работали в Мелихове много. Между членами семьи хозяйственные обязанности были точно распределены. Антон Павлович сажал деревья и ухаживал за ними.

Жизнь в Мелихове начиналась рано, Чехов часто вставал в четыре-пять часов утра.

К 11 часам утра Чехов успевал не только поработать в саду, но и за письменным столом. После обеда он читал или отдыхал, а потом опять работал. Покупка Мелихова ввела Чехова в новые долги, и теперь приходилось «писать, вечно писать» без отдыха.

Когда кругом узнали, что в Мелихове поселился врач, к Чехову стали приходить больные. Часто с самого раннего утра перед домом уже стояли пациенты. Чехов никого не отпускал без совета и лекарства. Постоянной его помощницей была сестра Мария Павловна. Поездки к тяжёлым больным в окрестные деревни утомляли Чехова, но когда бы к нему ни обращались, он всегда был готов оказать помощь. Чехов принимал больных, разъезжал по деревням, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим...

Немало внимания Чехов уделял также вопросам народного образования. Он построил школы в деревнях Талиже, Новосёлках и Мелихове. На письменном столе рядом с листками последнего рассказа, исписанными тонким, разборчивым почерком, лежали планы, сметы и чертежи. Чехов

закупал материалы, строил пожарные сараи для окрестных деревень, добился проведения шоссе от станции Лопасня до Мелихова, принимал деятельное участие в постройке земской больницы.

Переселяясь в Мелихово, Чехов надеялся, что ему удастся уединиться. Но Мелихово не спасло Чехова от многочисленных посетителей. Как только окрестные врачи, учителя и местные земские деятели узнали, что в Мелихове поселился известный русский писатель, они сразу же стали заезжать к нему. Чехов увлёкся местными вопросами, и дело кончилось тем, что его выбрали в члены серпуховского санитарного совета.

В июне 1892 года многие губернии России охватила жестокая эпидемия холеры. С каждым днём она всё ближе подходила к Московской губернии. Необходимо было принимать спешные меры. Закипела работа и в серпуховском земстве. Были приглашены врачи и студенты, но людей всё же нехватало. Чехову как члену санитарного совета и как врачу пришлось взять на себя безвозмездное заведывание холерным участком. Средствами земство не располагало. Во всём участке не было ни одного походного барака, если не считать парусинной палатки. Скоро участок Чехова, в котором было до двадцати пяти деревень и сёл, покрылся сетью лечебных учреждений. До поздней осени Чехов разъезжал по участку, принимал больных и большую часть времени проводил в тарантасе. Всё свободное

время посвящал он творчеству и хозяйственным заботам.

Живя в Мелихове, Чехов иногда ездил в Москву и Петербург, где встречался с знакомыми писателями, улаживал литературные и денежные дела, закупал книги. Проходил месяц-полтора, и Чехова тянуло домой. За шесть лет жизни в Мелихове Чеховым написаны «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Чёрный монах», «Скрипка Ротшильда», «Моя жизнь» и ряд других лучших его произведений.

* * *

В Мелихове, после долгого промежутка, Чехов снова вернулся к работе для театра. В письме от 21 октября 1895 года он писал: «... Можете себе представить, пишу пьесу, которую кончу... не раньше как в конце ноября. Пишу её не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви».

21 ноября пьеса была закончена. Чехов назвал её—«Чайка». Это был опыт новой психологической драмы. В основе драмы лежит остро драматический сюжет. Однако, обращая особое внимание

на раскрытие переживаний героев, Чехов избегает обычных внешних эффектов. Своеобразие драматургии «Чайки» удачно определил В. И. Немирович-Данченко, который говорил, что Чехов заменил «устаревшее действие» «подводным течением». Это «подводное течение» создаётся в «Чайке» лирическими монологами и репликами, многочисленными паузами, а также пейзажем, которому Чехов придаёт особое значение.

Осенью 1896 года «Чайка» была принята к постановке на сцене Александринского театра. В начале октября Чехов отправился в Петербург.

В этой постановке были заняты лучшие силы труппы Александринского театра: Нину Заречную играла В. Ф. Комиссаржевская, Тригорина — Сазонов, Шамраева — Варламов, Треплева — Аполонский, Сорина — Давыдов, Дорна — Писарев. Талантливые актёры любили и уважали автора. Некоторые из них, в особенности Давыдов, были хорошо знакомы с Чеховым. Но с первых же репетиций Чехов почувствовал, что пьеса очень трудна для постановки и вряд ли будет иметь успех.

Режиссёр Е. Карпов, первый постановщик «Чайки», рассказывает: «Чехова коробил всякий фальшивый звук актёра, затрёпанная, казённая интонация. Несмотря на свою стыдливую деликатность, он нередко останавливал среди сцены актёров и объяснял им значение той или иной фразы, толковал характеры, как они ему пред-

ставляются, и всё время твердил: — «Главное, голубчики, не надо театральности... просто всё надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...».

На подготовку постановки «Чайки» было отведено всего только девять дней. Актёры плохо знали роли, и с утра в день премьеры Чехов чувствовал, что всё уже потеряно.

Пьеса шла в бенефис известной тогда комической актрисы Левкеевой. Это случайное обстоятельство в ещё большей степени предопределило провал первого представления. 17 октября 1896 года на премьеру собралась типичная «левкеевская» публика: обыватели, охотники посмеяться — та самая публика, для которой когда-то писал смешные рассказы Антоша Чехонте.

«Начало прошло хорошо, спокойно, — рассказывает об этом спектакле одна современница. — Аплодисментами, как всегда, встретили Комиссаржевскую. Но вот начала она читать проникновенным своим голосом в глубине сцены свой знаменитый монолог: «Люди, орлы, львы, рогатые олени...» и т. д. Внизу, как раз под нашей ложей, раздался какой-то дурацкий смех... Смех раздался и в другом месте и стал усиливаться. Поднялся шум. Комиссаржевская всё продолжала, но с каждым мгновением — всё труднее было слушать её. В театре начался какой-то хаос: одни смеялись, другие шикали, чтобы остановить этот шум, и получился форменный кавардак. Несчаст-

ный автор до окончания ушёл из ложи, в антракте кто вызывал автора, кто шикал, актёры выходили с изумлёнными лицами, ничего не понимая, в чём дело, да и публика шумела, тоже, кажется, ничего не понимая.»

Чехов не дождался конца спектакля. Он ушёл из театра и долго бродил по городу. Несколько часов друзья тщетно разыскивали его.

На другой день Чехов уехал из Петербурга. Вышедшие в этот день газеты не только отмечали провал вчерашней премьеры, но и самым бестактным образом критиковали «птичью пьесу», в которой они ничего не поняли.

Лишь немногие газеты выступили на защиту пьесы. Неудача объяснялась тем, что пьеса плохо и наскоро срепетирована, что роли были не твёрдо выучены, что исполнители далеко не были на надлежащей высоте, что роли были распределены не совсем удачно.

На следующих спектаклях в текст были внесены некоторые изменения, актёры хорошо знали свои роли, и пьеса захватила публику.

Этой радостью поделилась с Чеховым В. Ф. Комиссаржевская: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и мог не быть! Как мне хочется сейчас вас видеть, а ещё больше хочется, чтобы вы были здесь, слышали этот единодушный крик: «автора»! Ваша, нет, н а ш а «Чайка», потому что я сред-

нилась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит».

Несколько лет спустя, в конце 1898 года, «Чайка» вновь появилась на сцене только что возникшего московского Художественного театра. В. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. . .».

М. Горький писал Чехову: «Ну, вы, конечно, знаете о триумфе «Чайки». Вчера некто, прекрасно знающий театр, знакомый со всеми нашими корифеями сцены, человек, которому уже под 60 лет — очень тонкий знаток и человек со вкусом — рассказывал мне со слезами от волнения: «Почти сорок лет хожу в театр и многое видел! Но никогда ещё не видел такой удивительной еретически-гениальной вещи, как «Чайка». Это не один голос — вы знаете. Не видел я «Чайку» на сцене, но читал — она написана могучей рукой!».

* * *

Ещё в середине восьмидесятых годов, работая в качестве земского врача в Воскресенске и в

звенигородской больнице, Чехов довольно близко познакомился с жизнью крестьянства средней полосы России. Поездка через всю Сибирь на Сахалин — очень важный период в жизни и творчестве Чехова: в эти месяцы Чехов окунулся в океан русской народной жизни и особенно хорошо узнал быт сибирских крестьян и сахалинских поселенцев. Вместе с тем это знакомство с русской деревней до начала девяностых годов было для Чехова несколько внешним и поверхностным. Он многое видел, большое количество русских крестьян прошло перед ним, но все эти впечатления были впечатлениями мимолётными.

За шесть лет, проведённых в Мелихове, Чехов не только присмотрелся к деревне, но и сжился с крестьянством. Как врач и общественный деятель в повседневной своей работе в течение нескольких лет он встречал одних и тех же людей. Складывались определённые личные отношения с многими крестьянскими семьями. Чехов мог рассказать историю каждого двора, целого ряда окрестных деревень. Из всех русских писателей только Лев Толстой знал русскую деревню тех лет так же хорошо, как Чехов.

В конце 1896 года по всей России проводилась подготовка к народной переписи. Чехов понимал, какое громадное значение имеет статистика для дальнейшего развития народного хозяйства и производительных сил страны. Он знал также, как сближает с народом личное участие в переписи.

Ведь на Сахалине Чехов собственноручно переписал около десяти тысяч ссыльных.

В январе 1897 года Чехов принял на себя заведывание переписным участком. В его распоряжении было 16 счётчиков. В шутку Чехов говорил, что он состоит при них кем-то вроде ротного командира или боцмана.

В феврале 1897 года Чехов был поглощён постройкой школы в Новосёлках. Школа строилась по его плану. Земство отпустило тысячу рублей, крестьяне собрали триста рублей, а всего нужно было не менее трёх тысяч. Пришлось изыскивать средства. Чехов собирал пожертвования, устроил в Серпухове благотворительный спектакль, покупал на свои личные деньги строительные материалы и чуть ли не ежедневно ездил на постройку наблюдать за работами. Школа удалась на славу, и это радовало Чехова.

Чехов знал жизнь русской деревни и много работал, чтобы улучшить тягостный быт крестьян.

Русская деревня в те годы привлекала внимание лучших людей России, но немногие отчётливо понимали, какие сложные социально-исторические процессы происходят в ней. В. И. Ленин так охарактеризовал русскую деревню периода политической реакции последней трети XIX века: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и

фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой».[1] Чехов один из первых увидел и показал крушение патриархальных устоев в жизни пореформенной русской деревни под натиском развивающегося капитализма. Своим «Убийством», «Мужиками», а также позднейшей повестью «В овраге» — Чехов первый сказал безжалостную правду о пореформенной деревне. Народники идеализировали крестьянский быт. Они пытались доказать, что капитализм не коснулся русской деревни. А Чехов увидел классовое расслоение деревни, обнищание и вырождение большей части крестьянства и хищническое обогащение кулаков. «Мужики» наносили двойной удар: по толстовству с его призывом «опроститься до мужика» и учиться у него, и по народникам, с их идеализацией мелкособственнического крестьянства. Вот почему вокруг деревенских рассказов Чехова загорелся ожесточённый спор. Народники обвинили Чехова чуть ли не в клевете на русского мужика, а марксисты решительно выступили на его защиту.

В одном из писем Чехов писал: «Во мне течёт мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 332.

временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная... Расчётливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса».

Лучше всего значение «Мужиков» определил А. М. Горький: «До Чехова дворянская наша литература любила и прекрасно умела изображать крестьянина человеком кротким, терпеливым, влюблённым в какую-то надземную «христову правду», которой нет места в действительности. Иную картину даёт Чехов. В «Мужиках» и других своих рассказах Чехов обрисовал крестьянина и жизнь деревни без всяких прикрас — так, как она есть на самом деле».

* * *

Напряжённая работа рано надломила здоровье Чехова. Ещё в 1884 году появились первые признаки туберкулёза, но выносливый Чехов не придал им особого значения и продолжал свою трудовую жизнь.

В марте 1897 года Чехов приехал в Москву. Во время обеда в ресторане «Эрмитаж» у Антона Павловича горлом хлынула кровь. Больного пришлось устроить в клинику профессора Остроумова. Когда через несколько дней в Москву приехала сестра писателя Мария Павловна, на

вокзале ей вручили билет на посещение клиники. На билете рукою Антона Павловича была сделана надпись: «Пожалуйста, ничего не рассказывай матери и отцу». Но скрывать от близких свою болезнь уже не удалось, положение оказалось слишком серьёзным.

Две недели пролежал Чехов в клинике. Здесь его навещали многие друзья. Приходил к нему и Л. Н. Толстой, который рассказывал о работе над статьёй «Что такое искусство». Больному было запрещено разговаривать, но он не выдержал и два часа проговорил с Толстым. Опять пошла кровь.

10 апреля 1897 года Чехов вышел из клиники и вернулся в Мелихово. В деревне он прожил недолго. С этой весны начинается невольное изгнание Чехова. По совету врачей он уехал на Ривьеру, в Ниццу, где прожил до весны 1898 года.

Вскоре здоровье Чехова настолько окрепло, что в феврале 1898 года он даже собрался ехать в Африку, посетить Алжир и Тунис, но предполагаемый спутник М. М. Ковалевский заболел, и от путешествия пришлось отказаться.

За границей Чехов продолжал писать. В Ницце им написаны рассказы: «Печенег», «В родном углу», «На подводе» и др. М. Ковалевский рассказывает: «Когда он принимался за литературную работу, он исчезал на ряд дней из нашего кругозора. Писал он далеко не ежедневно... Рассказ и повесть требовали от него усидчивой

работы, нередко в продолжение недели. Тогда он не спускался даже к табльдоту. И когда появлялся снова в нашем обществе, мы не без грусти отмечали перемену в его лице. Он бледнел и казался худее прежнего. И во время совместных прогулок он часто смолкал, как бы озабоченный какими-то мыслями. В это время он, по всей вероятности, обдумывал затеваемый им рассказ».

Как раз в то время, когда Чехов жил в Ницце, Франция была встревожена военным судом над артиллерийским капитаном, эльзасским евреем Альфредом Дрейфусом, который был ложно обвинён в шпионаже. Дрейфус был осуждён и находился в ссылке, когда на его защиту выступил французский писатель Эмиль Золя.

Прогрессивная печать была на стороне Дрейфуса и Золя. Реакционная по направлению газета «Новое время» повела яростную кампанию против Золя и Дрейфуса. Эта газета утверждала, что защитники Дрейфуса подкуплены еврейским синдикатом. Такая позиция реакционного «Нового времени» возмутила Чехова. Он внимательно, по стенографическим отчётам, изучил судебное дело и пришёл к глубокому убеждению в полной невиновности Дрейфуса. Чехов написал Суворину письмо, в котором восторженно отозвался о мужественном поведении Золя и откровенно выразил своё негодование по поводу травли, которую систематически вела

газета Суворина «Новое время». В скором времени Чехов окончательно отошёл от «Нового времени» и порвал с Сувориным.

Весной 1899 года Антона Павловича неудержимо потянуло в Россию. На обратном пути он задержался в Париже. Здесь состоялось знакомство с известным скульптором М. М. Антокольским, которого Чехов уговорил дать для Таганрога копию памятника Петру I. Кроме того, Чехову удалось получить для таганрогского музея скульптуру Антокольского «Последний вздох».

Трогательна забота Чехова о родном Таганроге. Ещё в 1896 году из Мелихова Чехов отправил в дар таганрогской Общественной библиотеке большую часть своего обширного книжного собрания. По мысли Антона Павловича в таганрогской библиотеке был создан превосходный справочный отдел. Из Парижа Чехов отправил в Таганрог 319 томов французских авторов.

В мае 1898 года Чехов вернулся в Мелихово. Он казался бодрым и окрепшим. Но врачи не разрешили Чехову зимовать в Мелихове. Надо было ехать в Крым.

* * *

На пути в Ялту Чехов задержался в Москве. 9 сентября 1898 года на репетиции «Чайки» в московском Художественном театре Антон

Павлович впервые встретился с молодой артисткой Ольгой Леонардовной Книппер. Потом он видел её в роли царицы Ирины на репетиции «Царя Фёдора Иоанновича», трагедии А. К. Толстого. Вскоре, 8 октября, Чехов поделился впечатлениями: «Меня приятно тронула интеллигентность тона и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты. Ирина, по моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется... Если бы остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину».

Зиму 1898/99 года Чехов провёл в Ялте, очень тяготясь вынужденным пребыванием на юге и стремясь в Москву, где в это время с успехом шла в Художественном театре его «Чайка».

В середине октября было получено известие о смерти Павла Егоровича, отца Чехова. «Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове уже будет не то житьё, — писал Чехов сестре, — точно с [его мелиховским] дневником прекратилось и течение мелиховской жизни».

Чехов не сразу решился расстаться с Мелиховым, но ему было ясно, что на ближайшие годы он прикован к Крыму. Поэтому, когда представился случай, Антон Павлович купил небольшой участок в Аутке, около Ялты, и начал там постройку дачи. Вместе с сестрой, Марией Павловной, продумывал он расположение комнат, советовался с архитектором, долгие часы прово-

дил на постройке, с увлечением следя за тем, как свозят камень, заготавливают извёстку, копают землю, закладывают фундамент. А сам сажал деревья, планируя сад вокруг дома.

В январе 1899 года, при содействии Льва Толстого и П. А. Сергеенко, начались переговоры о продаже петербургскому издателю А. Ф. Марксу права монопольного издания всех сочинений Чехова. Переговоры кончились тем, что П. А. Сергеенко выговорил у А. Ф. Маркса за всё написанное Чеховым семьдесят пять тысяч рублей. По тем временам это была значительная сумма. Но Маркс обусловил, что выплатит деньги в рассрочку. Вскоре Чехов понял, что договор для него невыгоден, а А. Ф. Маркс получит большую прибыль.

Действительно, А. Ф. Маркс издал сборники произведений Чехова очень большими тиражами. Затем начало выходить собрание сочинений, которое было переиздано в качестве приложения к журналу «Нива» и привлекло громадное число подписчиков на этот журнал.

А. М. Горький, Л. Андреев, В. Вересаев, И. Бунин, Е. Чириков, Н. Телешев, А. Серафимович и другие литературные друзья Чехова впоследствии написали А. Ф. Марксу письмо, в котором убеждали его расторгнуть невыгодный для Чехова договор. Но Чехов узнал об этом и решительно воспротивился: «Я своею рукою

подписывал договор с Марксом и отрекаться мне от него неудобно».

Чехов уделял большое внимание подготовке текста для собрания сочинений. Он тщательно пересмотрел почти всё опубликованное в предыдущие годы и многое не счёл возможным включить в это собрание, хотя Маркс настаивал на возможно большей полноте издания. Текст многих рассказов перерабатывался и сокращался. Особое значение Чехов придавал распределению материала по томам. Он отказался от строго хронологического принципа и группировал произведения, исходя из жанровых и чисто литературных соображений.

Когда стало известно, что писатель поселился в Ялте, туберкулёзные больные со всех концов России начали обращаться к нему за помощью. Порой Чехов приходил в отчаяние: стольким нужно было помочь, стольких устроить. И Чехов через знакомых собирал деньги, помещал в газетах специальные обращения, помогал из личных средств, хлопотал с Елпатьевским и доктором Альтшуллером, чтобы довести до конца постройку санатория «Яузлар».

Антон Павлович писал брату: «Меня здесь одолевают больные, которых присылают сюда со всех сторон — с бациллами, с кавернами, с зелёными лицами, но без гроша в кармане. Приходится бороться с этим кошмаром, пускаться на разные фокусы».

Не оставлял Чехов в Ялте и общественной работы в области народного образования.

В середине апреля 1899 года Чехов приехал в Москву. Он остановился в маленькой квартире сестры на Малой Дмитровке.

К. С. Станиславский описал комнату, в которой жил Антон Павлович: «Самый простой стол посреди комнаты, такая же чернильница, перо, карандаш, мягкий диван, несколько стульев, чемодан с книгами и записками, словом, только необходимое и ничего лишнего...

Скоро на письменном столе появились тоненькие тетрадочки. Их было очень много. Антон Павлович был занят в то время корректурой своих мелких, забытых им рассказов самой ранней эпохи. Он готовил своему издателю Марксу новый выпуск мелких рассказов. Знакомясь с ними вновь, он добродушно хохотал...».

После успеха «Чайки» на сцене Художественного театра многие актёры заинтересовались пьесой Чехова «Дядя Ваня». Начались переговоры о постановке «Дяди Вани» в московском Малом театре. Но московский Литературно-театральный комитет предложил автору переделать некоторые сцены, в особенности конец третьего акта, в котором возмущённый дядя Ваня стреляет в профессора Серебрякова. Чехов не согласился с этими требованиями и отдал пьесу Немировичу-Данченко для постановки в

Художественном театре. Премьера состоялась 26 октября 1899 года.

Через месяц Чехов сообщал В. И. Немировичу-Данченко о том, что задумал написать пьесу «Три сестры».

Всю зиму Чехов мечтал о том, что Художественный театр приедет на гастроли в Крым. И вот весною 1900 года москвичи прибыли в Севастополь. Из чеховских пьес, кроме «Чайки», в репертуаре был объявлен «Дядя Ваня».

Успех был чрезвычайный. Автора вызывали без конца. Чехов впервые видел Художественный театр лицом к лицу с публикой и остался доволен исполнением.

Из Севастополя театр переехал в Ялту. Там в это время собрались Куприн, Чириков, Мамин-Сибиряк, Елпатьевский, Бунин и уже прославившийся Горький. Кроме писателей, в Ялте было много артистов, музыкантов, и среди них молодой композитор С. В. Рахманинов.

И в Ялте спектакли Художественного театра шли с огромным успехом. Чехов ещё ближе сдружился с театром, артисты ежедневно сходились к нему на дачу завтракать.

Приезд Художественного театра очень оживил Чехова. И эти дни оказались решающими для судьбы его отношений с О. Л. Книппер.

Осень 1900 года Чехов провёл в напряжённой работе над пьесой «Три сестры». Иногда ему казалось, что работа не ладится и пьеса не вый-

дет. Рукопись он пересылал в Москву по частям, по актам. Наконец, в октябре Антон Павлович сам привёз в Москву последний акт. Он читал пьесу труппе Художественного театра и был огорчён тем, что не всё было правильно понято его слушателями.

31 января 1901 года состоялось первое представление «Трёх сестёр» в Художественном театре. В это время Чехов был за границей. В феврале он прибыл из Флоренции морем в Одессу, а затем вернулся к себе в Ялту.

На этот раз Чехов недолго пробыл в Ялте. Как трёх сестёр, его тянуло «в Москву! в Москву!». Там был Художественный театр, там ждали его друзья. Вскоре Чехов был снова в Москве. 25 мая 1901 года он женился на О. Л. Книппер и вместе с нею уехал на кумыс в Уфимскую губернию.

Осенью Антону Павловичу пришлось вернуться в Ялту, а Ольга Леонардовна уехала в Москву, где уже начинались спектакли Художественного театра. «Жена моя, к которой я привык и привязался, остаётся в Москве, — писал в это время Чехов В. С. Миролюбову: — Она плачет, а я не велю ей бросать театр. Одним словом, катавасия».

О. Л. Книппер готова была даже оставить сцену и поселиться в Ялте. Но Чехов противился этому. Ещё до женитьбы, 27 сентября 1900 года, Антон Павлович писал ей: «Если мы

теперь не вместе, то виноват в том не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

* * *

Ещё в 1898 году Чехов через редактора «Журнала для всех» В. С. Миролюбова получил от А. М. Горького два тома его «Очерков и рассказов», которые вышли в мае. При этом Горький писал о своей горячей любви к Чехову. Чехов сразу оценил «несомненный и притом настоящий, большой талант» Горького, но вместе с тем со всей прямотой указал на некоторую несдержанность в поэтическом стиле молодого Горького, особенно в описаниях природы, и дал ряд чутких советов. Завязалась содержательная переписка, перешедшая вскоре в крепкую дружбу и длившаяся до последних дней жизни Чехова.

Горький внимательно прислушивался ко всем критическим замечаниям Антона Павловича. В 1899 году он посвятил Чехову свою повесть «Фома Гордеев».

Горький впервые встретился с Чеховым весной 1899 года, когда приехал в Ялту. Личное знакомство с Чеховым произвело на Горького очень сильное впечатление. По возвращении в Нижний-Новгород в конце апреля он писал Чехову: «Рад я, что встретился с вами, страшно

рад! Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел. Как это хорошо, что вы умеете считать литературу первым и главным делом жизни».

В те же самые дни Чехов был в Москве, посетил Л. Н. Толстого и разговаривал с ним о Горьком. Толстой очень хвалил Горького, назвал его замечательным писателем, и Чехов тотчас же написал об этом Алексею Максимовичу. Так в последние годы XIX века началось содружество трёх великих русских писателей: Льва Толстого, Чехова и Горького.

В 1900—1904 годах Чехов и Горький часто встречаются в Крыму и Москве. В мае 1900 года они совершают совместную поездку по Кавказу, летом того же года собираются даже ехать в Китай, затем 4 ноября присутствуют на спектакле «Дядя Ваня» в Художественном театре. В мае 1901 года Чехов посещает Горького в Нижнем-Новгороде по пути в Уфимскую губернию. В ноябре того же года Горький с Чеховым посещают больного Льва Толстого в Крыму, в Гаспре. Беседы Толстого, Чехова и Горького о русской жизни и литературе, их письма отражают большие исторические сдвиги, происходившие в те годы в России.

Для Горького Чехов был старшим товарищем по искусству, жизнедеятельным и бодрым учителем. Чехов часто ободрял Горького, звал его

вперёд, вдохновлял на новые творческие и жизненные подвиги.

Горький один из первых оценил художественную культуру и язык Чехова. В статье по поводу рассказа Чехова «В овраге», опубликованной ещё в январе 1900 года в газете «Нижегородский листок», Горький утверждал: «Как стилист, Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов».

Не менее значительна история отношений Чехова и Льва Толстого. Оба писателя уважали и любили друг друга. «По нынешним временам Толстой не человек, а человечище, Юпитер, — повторял Чехов. — Он никогда не устареет. Язык устареет, но он всё будет молод».

В восьмидесятых годах толстовские взгляды нашли своё отражение в таких рассказах Чехова, как «Нищий», «Встреча», «Казак», «Письмо», «Сапожник и нечистая сила», «На пути», но уже в девяностых годах, под влиянием окружающей русской жизни, в условиях нового общественно-политического подъёма, Чехов решительно отходит от толстовской философии; он сам говорит, что толстовская мораль «перестала его трогать». Это преодоление толстовства отчётливо намечается в рассказе «Палата № 6» и в повести «Моя жизнь». Ещё определённее философию непротивления Чехов разоблачает в

рассказе «Крыжовник», где герой рассказа Иван Иванович восклицает: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы — те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Чехов познакомился с Л. Н. Толстым в августе 1895 года, когда посетил его в Ясной Поляне. «Впечатление чудесное, — говорил Чехов об этой поездке, — я чувствовал себя, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки». А Толстой 4 сентября 1895 года писал сыну Льву Львовичу: «Чехов был у нас и он понравился мне. Он очень даровит и сердце у него должно быть доброе...».

Толстой как гениальный русский человек и великий художник привлекал Чехова и был необыкновенно дорог ему.

Лев Толстой отечески-нежно любил Чехова. «Я — старик, и, может, теперешнюю литера-

туру уже не могу понять, — говорил Лев Толстой Чехову, — но мне всё кажется, что она — не русская.[1] Стали писать какие-то особенные стихи, — я не знаю, почему эти стихи и для кого. Надо учиться стихам у Пушкина, Тютчева, Шеншина.[2] Вот вы русский! Да, очень, очень русский.

И ласково улыбаясь Толстой обнял Антона Павловича за плечо.

Никого из русских писателей так часто не читали вслух у Толстых, как Чехова. Случалось даже так, что в короткое время по нескольку раз читали один и тот же его рассказ... «Чехов — это Пушкин в прозе», — говорил Толстой. По словам Льва Николаевича, Чехов брал из жизни то, что видел, и если «брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно до последних чёрточек. Главное, он был постоянно искренен, а это — великое достоинство писателя, и благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые для сего мира формы писания, которых я — утверждал Толстой — не встречал нигде».

В 1900 году Толстой говорил о Чехове: «У него мастерство высшего порядка. Я перечитываю его рассказы с огромным наслаждением. Некоторые, например, «Детвора», «Спать хо-

---

[1] Л. Н. Толстой имел в виду стихи символистов.
[2] А. А. Фета.

чется», «В суде» — истинные перлы. Я положительно всё под ряд читал с большим удовольствием... И всё у него чудесно... Чехова как художника нельзя даже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мною, у Чехова своя особенная форма... Чехов — истинный художник: его можно перечитывать несколько раз».

В особенности Толстой любил чеховскую «Душечку». Он поместил этот рассказ в своём «Круге чтения» и написал к нему «Послесловие».

В 1901 году в Гаспре Толстой говорил Чехову: «Тургенев был хороший писатель, у него просто честный язык, настоящий русский. Вот вы тоже знаете, что надобно писать честным русским языком, без загогулин и капризов...».

Честность Чехова и его веру в победу доброго начала, его неизменную бодрость отмечал и Горький, который писал: «Каждый новый рассказ Чехова всё усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

*
* *

29 апреля 1899 года в связи с предстоящим столетием со дня рождения Пушкина при втором отделении Академии наук был учреждён разряд «изящной словесности». В этот разряд могли быть избираемы почётные академики из

выдающихся представителей литературы и науки. На первых же выборах 17 января 1900 года в почётные академики были избраны: Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко.

Прошло два года. В третью сессию, 21 февраля 1902 года, в почётные академики были избраны А. М. Горький и драматург А. В. Сухово-Кобылин. Когда об этих выборах было доложено Николаю II, он «собственноручно начертать соизволил» на листке бумаги, на котором была наклеена вырезка из газеты с извещением об избрании Горького, раздражённую резолюцию: «Более чем оригинально».

Президенту Академии, великому князю Константину Константиновичу, было предложено выступить от имени Академии с официальным сообщением о том, что выборы Горького недействительны, так как Академия, избирая Горького, не была осведомлена, что он находится под следствием по политическому делу.

В связи с этим «академическим инцидентом» Короленко и Чехов обменялись письмами, затем Короленко приезжал к Чехову в Ялту. Оба писателя считали необходимым протестовать против отмены выборов Горького и хотели найти наиболее убедительную форму протеста.

В августе 1902 года Чехов обратился к Президенту Академии с письмом, в котором сообщал о том, что, получив извещение об избрании А. М. Пешкова (Горького) в почётные ака-

демики, он не замедлил повидаться с ним, первый принёс ему известие об избрании и первый поздравил его. «Затем, — продолжал Чехов, — немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 статье выборы признаются недействительными; причём было точно указано, что это извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почётным академиком, то это извещение частью исходило и от меня. Я поздравил сердечно и я же признал выборы недействительными — такое противоречие не укладывалось в моём сознании, примирить с ним мою совесть я не мог. Знакомство с 1035 статьёй ничего не объяснило мне. И после долгого размышления, я мог придти только к одному решению, к крайне для меня тяжёлому и прискорбному, а именно — покорнейше просить ваше императорское высочество о сложении с меня звания почётного академика».

Чехов дорожил своей связью с Академией наук. Разрыв с нею был болезнен и вызван глубоко принципиальными соображениями. Таким образом, почётным академиком Чехов пробыл всего только два с половиной года.

*

«Чтобы хорошо жить, по-человечески — надо же работать! Работать с любовью, с верой», — не раз говорил Чехов.

Но в дореволюционной России не часто случалось Чехову встречать людей, для которых труд был бы радостью, которые в труде находили бы смысл и счастье жизни. И Чехов постоянно возвращался к раздумью о необходимости воспитывать в людях уважение к труду.

Сам Чехов работал с упоением и в ненасытном труде забывал о многих горестях окружающей его жизни.

Горький рассказывает: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил:

— Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша».

Многие видели, как Чехов иногда по утрам, в саду около своей ялтинской дачи, заботливо обмазывал серой стволы роз или выдёргивал сорные травы из клумб. Какое бывало торжество, когда среди летней засухи, наконец, шёл дождь, наполнявший запасные глиняные цистерны!

«Но не чувство собственника, — говорит

А. И. Куприн, — сказывалось в этой хлопотливой любви, а другое, более мощное и мудрое сознание. Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами:

— Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево и, конечно, мне это дорого. Но и не это важно. Ведь здесь до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. А я вот пришёл и сделал из этой дичи культурное, красивое место. Знаете ли, — прибавлял он вдруг с серьёзным лицом, тоном глубокой веры, — знаете ли, через триста, четыреста лет вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна».

Почти все любимые герои Чехова призывают к вдохновенному, облагораживающему труду. Творческий труд освящает умную жизнь Осипа Дымова («Попрыгунья»), старого профессора Николая Степановича («Скучная история»), Ярцева («Три года») и др.

Подобно Льву Толстому и Горькому, Чехов постоянно славит в своих произведениях человеческий труд, и любимые его герои чувствуют поэзию труда. В рассказе «Огни» инженер Ананьев говорит: «...Тут недалече живёт казённый лесничий Иван Александрыч. Хороший такой старичок. Когда-то он где-то был учителем, пописывал что-то, чорт его знает, кем он был, но только умница замечательная и по части фи-

лософия собаку съел. Читал он много и теперь постоянно читает. Ну-с, как-то недавно встретились мы с ним на Грузовском участке... А там как раз в это время клали шпалы и рельсы. Работа немудрёная, но Ивану Александрычу, как не специалисту, она показалась чем-то вроде фокуса. Для того, чтобы уложить шпалу и фиксировать к ней рельс, опытному мастеру нужно меньше минуты. Рабочие были в духе и работали действительно ловко и быстро; особенно один... необыкновенно ловко попадал молотком в головку гвоздя и вбивал его с одного размаха, а в рукоятке-то молотка чуть ли не сажень и каждый гвоздь в фут длиною. Иван Александрыч долго глядел на рабочих, умилился и сказал мне со слезами на глазах: «Как жаль, что эти замечательные люди умрут!».

Тоской по осмысленному творческому труду проникнута повесть «Моя жизнь». Вся правда, весь смысл, всё счастье жизни для Чехова и его героев заключены в труде.

О творческой радости сознательного вмешательства в окружающую жизнь хорошо говорит доктор Астров в драме Чехова «Дядя Ваня»: «Быть может, это в самом деле чудачество, но, когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет чело-

век будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю берёзку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью».

Астров — творческая, поэтическая натура. Он живёт мечтой о светлом будущем родины, преображённой великой силой народного труда. Он глубоко убеждён в том, что «праздная жизнь не может быть чистою». И как бы он ни увлекался избалованцой и праздной красавицей Еленой Андреевной, он понимает, что она чужда ему. Эта внешняя красота — обманчива и разрушительна. Вот почему он даже рад, когда профессор Серебряков и его жена уезжают: «Да, уезжайте, — говорит Астров Елене Андреевне. — Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и всё лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашею праздностью. Я увлёкся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели... Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... и я убеждён, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное».

Для Чехова ценность человека определяется прежде всего его отношением к труду. Лень,

бездеятельность, вялость воли и мысли, всякий паразитизм — омерзительны, губительны для человека и окружающего его общества, несовместимы с красотой и правдой.

Сёстры Прозоровы в пьесе «Три сестры» много думают о культурной ценности труда. О труде как настоящей радости жизни говорит Ирина: «Работать нужно, работать. Оттого нам невесело, и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда... Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встаёт чуть свет и бьёт на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге».

В последней пьесе Чехова «Вишнёвый сад» (1903) молодое поколение, которому явно симпатизирует автор, видит смысл жизни в очеловечивающем труде.

Поэзия обречённого на гибель «Вишнёвого сада» дворянской России была понятна Чехову, но все помыслы и мечты Чехова были устремлены к будущему, к тому времени, когда земля наша будет возделана человечеством, как прекрасный и радостный сад. И Чехов был убеждён, что только дружная и честная работа превратит нашу жизнь в такой цветущий сад.

❄ ❄ ❄

Для Чехова характерна заботливая любовь к людям, незаметно делающим большое дело служения своему народу. Он постоянно тревожился о судьбе сельских учителей, врачей, помогал чем мог начинающим писателям. Однажды, показывая свой белый двухэтажный домик, Чехов сказал Горькому:

— «Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных сельских учителей. Знаете, я выстроил бы этакое светлое здание — очень светлое, с большими окнами и с высокими потолками. У меня была бы прекрасная библиотека, разные музыкальные инструменты, пчельник, огород, фруктовый сад; можно бы читать лекции по агрономии, метеорологии, учителю нужно всё знать, батенька, всё!..

Вам скучно слушать мои фантазии? А я люблю говорить об этом. Если б вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожжённого кирпича! Учитель должен быть артист, художник, горячо влюблённый в своё дело...».

И Чехов показал нам в своём творчестве не только «человеков в футлярах» — Беликовых, но и настоящих артистов, художников педагогического искусства. Таков герой рассказа «Учитель», таков Ярцев из повести «Три года».

Чехов хорошо знал трудную жизнь русского учительства и не только мечтал о хороших санаториях для сельских учителей, но и помогал им чем мог, внимательно вслушиваясь в их жалобы, всматриваясь в их утомлённые лица, и делал всё, чтобы помочь им.

Чехов всегда, всю жизнь был окружён людьми. Люди тянулись к нему за советом, поддержкой, помощью, чувствуя, что он поймёт с полуслова. Общение с людьми много давало Чехову как писателю.

* * *

Чехов читал много и хорошо запоминал прочитанное. Он был так же внимателен к книге, как и к собеседнику. Разносторонность интересов Чехова удивительна. Первое же из дошедших до нас писем Чехова к брату Михаилу в значительной части посвящено вопросам чтения: «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь».

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Лесков — любимые писатели Чехова. Это его настоящие учителя, вчитываясь в произведения которых Чехов за-

думывался о значении литературы, о писательском мастерстве.

Чехов следил за текущей русской и западноевропейской литературой, регулярно читал журналы. В его письмах значительное место занимают отзывы о прочитанных книгах.

Чехов был внимателен к начинающим писателям. Никто не уходил от него подавленный его талантом и сознанием собственной незначительности. Чехов не говорил: «Делайте, как я; вот, смотрите, как я поступаю». Если кто-нибудь в отчаянии жаловался Чехову: «разве стоит писать, если на всю жизнь останешься «молодым» и «подающим надежды», — Чехов отвечал спокойно и серьёзно: «Не всем же, батенька, писать, как Толстой».

Особенно предостерегал Чехов от употребления избитых литературных штампов: «Любовные объяснения, измены жён и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слёзы давно уже описаны... Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без «пущай» и без «теперича». Отставные капитаны с красными носами, пьющие репортёры, голодающие писатели, чахоточные жёны-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенные девицы, добродушные няни, всё это было уже описано и должно быть объезжаемо, как яма».

Чрезвычайно интересна и поучительна пере-

йиска Чехова с Горьким. Чехов заботливо следил за ростом писательского дарования Горького. Он не только сумел разглядеть в молодом Горьком «талант несомненный и притом настоящий, большой талант», но и поделился с Горьким множеством метких замечаний и глубоких соображений по поводу его произведений.

* * *

Чехов любил жизнь. Ему было что́ рассказать. Он хорошо знал Россию. Он путешествовал через украинскую степь и сибирскую тайгу, жил в уездных городках и в деревне, лечил московских журналистов и мелиховских крестьян, переписывался с начинающими писателями и крупными учёными, дружил с художниками и актёрами, посещал психиатрические больницы, театры, редакции, разговаривал с чиновниками и купцами, наблюдал студентов и приказчиков, внимательно слушал случайных попутчиков в поездах и на пароходах... Знания жизни и правды требовал он от писателей.

Н. Телешеву Чехов говорил: «Не ездите на дачу, ничего интересного там не найдёте... Поезжайте куда-нибудь далеко, вёрст за тысячу, за две. Ну, хоть в Азию, что ли. Если времени мало, поезжайте на Урал; природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую

азиатскую землю и чтобы иметь право сказать себе: ну, вот я и в Азии! А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. Сколько всего увидите, сколько рассказов привезёте. Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих станциях, в избах; и клопы вас будут есть. Но это хорошо. После скажете мне спасибо... Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда по Волге...».

Чехов был убеждён, что самое значительное и интересное нельзя выдумать. Темы надо брать из окружающей жизни. А для этого необходимы внимание и чуткость, умение присмотреться к жизни и найти значительное в обыденном. «Надо писать просто», — говорил Чехов.

Чехов неустанно работал над собой, обогащая свой язык. Запас слов у него был исключительно велик, но тратил их Чехов с большим разбором.

* * *

Осенью 1903 года Чехов написал последнюю и, может быть, лучшую из своих пьес — «Вишнёвый сад». После целого ряда переделок пьеса была отослана в Художественный театр, а затем в начале декабря 1903 года в Москву приехал и Чехов. Он был совсем болен, но присутствовал почти на всех репетициях и принимал горячее участие в работе над будущим спек-

таклем. Его волновали вопросы распределения ролей, истолкование отдельных образов.

Первое представление «Вишнёвого сада» состоялось 17 января 1904 года. Это был день рождения Антона Павловича. Друзья и почитатели решили в этот день отметить двадцатипятилетие литературной деятельности Чехова. Антон Павлович был противником всяких юбилеев и даже отказался быть в театре. Но на премьере собралась вся литературная и театральная Москва. Никто не хотел примириться с отсутствием автора. Близкие друзья поехали за ним и привезли в театр к концу третьего акта.

Чествование началось в последнем антракте. Публика устроила писателю шумную овацию. Без конца подносили цветы. Представители литературы и театра выступали с приветственными речами. А Чехов, мертвенно бледный и худой, стоял на авансцене и не мог унять кашля. Из публики ему кричали: «Сядьте! Пусть Антон Павлович сядет!». Но Чехов нахмурился и простоял всё длинное торжество юбилея.

И Чехов и артисты Художественного театра чувствовали, что постановка «Вишнёвого сада» не раскрыла в полной мере авторского замысла и не дошла по-настоящему до зрительного зала. Чехов писал на другой день после премьеры: «Вчера шла моя пьеса, настроение поэтому у меня неважное».

Со временем спектакль дозрел. В нём обна-

ружили в полной мере свои дарования многие из артистов Художественного театра — и в первую очередь О. Л. Книппер, исполнявшая главную роль Раневской, а также Москвин (Епиходов), Качалов (Трофимов), Леонидов (Лопахин), Грибунин (Пищик), Артём (Фирс), Муратова (Шарлотта), Станиславский (Гаев).

В середине февраля Чехов уехал в Ялту. Эта последняя зима в Ялте была очень тягостной. Состояние здоровья Антона Павловича всё ухудшалось. Врач И. Альтшуллер, лечивший Чехова, свидетельствует: «Всё реже возвращалось хорошее настроение и всё чаще я заставал его одиноко сидящим в кресле и в полулежачем положении на диване с закрытыми глазами, без обычной книги в руках... Начавшаяся война его очень волновала... Работал он в это время немного и только урывками, а планов было много, и это огорчало его».

Чехов внимательно следит за газетами, а в апреле 1904 года пишет на Дальний Восток одному своему знакомому: «В июле или августе, если позволит здоровье, я поеду врачом на Дальний Восток».

Чехов никогда не был пассивным созерцателем жизни. Чем ближе к 1905 году, тем отчётливее чувствовал он неизбежность и необходимость решительных и великих перемен в социальной жизни своей родины. Чехов писал Горькому: «Я мало, почти ничего не знаю... Но

предчувствую очень многое». Этим предчувствием полны многие произведения Чехова последних лет. Ещё в «Трёх сёстрах» отчётливо прозвучала радостная уверенность в грядущей очистительной социальной буре: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять-тридцать лет работать уже будет каждый человек — каждый!».

Эта мысль о необходимости обновить жизнь всё настойчивее звучит в таких произведениях, как «По делам службы», «Крыжовник», «Вишнёвый сад» и «Невеста». Многое в окружающей русской жизни тяготило Чехова. Горячо любя родину, страстно желая своему народу счастья, почти в самый канун революции Чехов убеждённо восклицал: «Главное — перевернуть жизнь».

«Вишнёвый сад» был не только прощанием с обречённой на гибель старой дворянской Россией. «Вишнёвый сад» был образом красоты и счастья родины в её грядущем. «Вся Россия — наш сад!» — говорит Чехов устами студента Трофимова. «Прощай старая жизнь!» — восклицает Аня в финале пьесы. «Здравствуй новая жизнь! . .» — утверждает Трофимов.

В 1903 же году был написан рассказ «Неве-

ста». Героиня этого рассказа Надя, так же как и Аня, мечтает о грядущей светлой жизни. Только Надя воспринимает жизнь глубже и более зрело. После долгой разлуки она приезжает в свой родной город. «Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе всё давно уже состарилось, отжило, и всё только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!.. И впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её». Первоначально в «Невесте» было прямо сказано, что Надя «уходила в революцию».

Трудно сказать, какие ещё творческие пути проложил бы Чехов, если бы ему было суждено пережить революцию 1905 года. Множество замыслов волновало его в последние месяцы жизни.

Весной 1904 года состояние здоровья Чехова резко ухудшилось. Однако он всё ещё пытался пересилить болезнь и даже выполнял принятые на себя обязанности редактора беллетристического отдела в журнале «Русская мысль».

В мае 1904 года Антон Павлович приехал в

Москву. Поездка в жарком и пыльном вагоне очень утомила его. Он совсем ослабел. Месяц Чехов провёл в постели. Врачи потребовали немедленного отъезда на один из курортов в Шварцвальде. Чехов согласился, хотя, повидимому, понимал, что положение его безнадёжно. Прощаясь с писателем Н. Д. Телешевым, он прямо сказал ему, что едет умирать.

3 июня 1904 года Антон Павлович вместе с Ольгой Леонардовной выехал за границу и 8 июня он уже прибыл в небольшой курортный городок Баденвейлер, неподалёку от швейцарской границы. Сначала в состоянии здоровья наступило некоторое улучшение. «Здоровье входит в меня не золотниками, а пудами», — трижды говорит Чехов в своих письмах. Прошло ещё несколько дней, и Чехову даже показалось, что он настолько окреп, что пора возвращаться на родину. Его занимала мысль о том, чтобы выбрать маршрут не только удобный и неутомительный, но и интересный.

Однако 29 июня наступило резкое ухудшение. Вечером 1 июля после трёх тяжёлых дней Чехову стало легче. Он убедил жену пройтись по парку, а когда она вернулась, всё беспокоился, почему Ольга Леонардовна не идёт ужинать. Позднее оказалось, что гонг, возвещавший приглашение к столу, прозвонил, но его просто не расслышали. И Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая модный курорт, где

много сытых банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть краснощёких англичан и американцев, и вот все они, кто с экскурсии, кто с катанья, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду, собираются с мечтой хорошо и сытно поесть. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет, — и как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Ольга Леонардовна сидела рядом на диване и от души смеялась. Ей и в голову не приходило, что через несколько часов всё будет кончено.

В начале ночи на 2 июля Чехов проснулся и в первый раз в жизни сам попросил послать за доктором.

Ольга Леонардовна вспоминает: «Ощущение чего-то огромного, надвигающегося придавало всему, что я делала, необычайный покой и точность, как будто кто-то уверенно вёл меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и, вместе с тем, чувство полной моей одинокости и беспомощности. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лёд, чтобы положить на сердце умирающему».

Антон Павлович начал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах, но затем пришёл в себя и с грустной улыбкой сказал

жене, которая клала ему на грудь мешок со льдом: «На пустое сердце льда не кладут».

Деятельность сердца, несмотря на принятые меры, быстро падала. Врач посоветовал дать больному шампанского. Чехов сел, взял бокал, повернулся лицом к жене, улыбнулся своей удивительной улыбкой и внятно произнёс: «Давно я не пил шампанского». Потом спокойно выпил всё до дна, тихо лёг на левый бок и уснул навсегда.

Тело Чехова было перевезено в Россию, в Москву, и здесь, при громадном стечении народа, 9 июля 1904 года погребено на кладбище Новодевичьего монастыря.

Чехов умер в дни, когда с Дальнего Востока шли тревожные вести о русско-японской войне. По России — через Ростов, Саратов, Нижний-Новгород, Казань — прокатилась могучая волна рабочих демонстраций. Чехов умер в канун событий 1905 года, предвидя и предчувствуя близость назревших социальных перемен.

Смерть Чехова потрясла всю Россию как очень большая потеря. Его похороны вылились в настоящую народную демонстрацию. В газетах всего мира появились сообщения, отклики и статьи, вызванные смертью великого русского писателя.

С каждым годом росла известность Чехова. За двадцать лет — с 1897 по 1916 год — произведения Чехова вышли в России тиражом в

520 тысяч экземпляров на пяти языках (из них на русском языке 493 тысячи). После Великой Октябрьской социалистической революции тираж произведений Чехова достиг 16 миллионов экземпляров, причём выходили эти издания на 54 языках народов Советского Союза. В настоящее время большая часть произведений Чехова переведена почти на все языки цивилизованных народов мира.

Английский писатель Дж. Б. Пристли пишет: «Россия должна гордиться своим удивительно даровитым сыном, чьи замечательные пьесы и герои волнуют людей во всём мире. И я верю, что Чехов сейчас глубоко гордился бы своей любимой Россией, стремящейся воплотить в жизнь все его надежды».

* * *

Чехов, наряду с Пушкиным, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Толстым и Горьким, принадлежал к числу писателей, которых особенно любил и ценил Ленин. Самое раннее из известных нам свидетельств о характере ленинского восприятия произведений Чехова относится к самарскому периоду. В воспоминаниях о жизни Ленина в Самаре зимой 1892/93 года сестра Владимира Ильича А. И. Ульянова-Елизарова пишет:

«...Остался у меня в памяти разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из

журналов новой повести А. Чехова: «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведённом им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог остаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из неё почти так же, как несчастный больной Чехова». [1]

Рассказ «Палата № 6» впервые был напечатан в «Русской мысли» за 1892 год (№ 11). Двадцатидвухлетний Ленин брал этот журнал в городской самарской библиотеке. Сохранился библиотечный абонемент Ульяновых за 1893 год. Абонементом пользовался главным образом В. И. Ленин. По абонементу можно установить, что Ленин брал из библиотеки и те номера «Русской мысли» (1893 год, №№ 2 и 3), где был помещён «Рассказ неизвестного человека», а

---

[1] *А. И. Ульянова-Елизарова,* Воспоминания об Ильиче. «Молодая Гвардия», М. — Л. 1935, стр. 48—49.

также «Северный вестник» (1892 год, № 1), где был напечатан рассказ Чехова «Жена».

И в последующие годы Ленин следил за новыми произведениями Чехова. 31 января 1901 года на сцене московского Художественного театра впервые была поставлена пьеса «Три сестры», напечатанная в февральской книжке «Русской мысли» за тот же год. Уже 7 (20) февраля Ленин писал из Мюнхена матери в Москву: «Бываете-ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова Три сестры? Видели-ли её и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественном—общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием своё посещение в прошлом году вместе с беднягой Колумбом (И. Х. Лалаянцем)». [1]

Когда в 1912—1916 годах сестра А. П. Чехова Мария Павловна выпустила шеститомное издание его писем, Ленин заинтересовался этим изданием. Так, в письме к В. А. Карпинскому из Цюриха от 11 апреля 1916 года Н. К. Крупская писала: «Владимир Ильич просит посылать ему сюда библиотечные книжки. Просит прислать письма Чехова, если что есть нового из Горького, Фауста по-русски». [2]

Интерес Ленина к Чехову не угас и после революции 1917 года. По словам Н. К. Крупской,

---

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 262.

[2] Ленинский сборник XI, стр. 219.

В. И. Ленину понравилась постановка «Дяди Вани» в Художественном театре, а на концерте в Кремле в годы гражданской войны Ленин с удовлетворением слушал, как какой-то артист читал «Злоумышленника».

В августе 1919 года Ленин просматривал выпуски «Книжной летописи» за 1917, 1918 и 1919 годы и отмечал те книги, которые были нужны ему для работы и которые он просил достать для себя. И тут отчётливо сказывается повышенный интерес Ленина к произведениям Чехова. В № 1 «Книжной летописи» за 1919 год Ленин отметил синим кружком XVII том сочинений Чехова, а в № 3 — XVIII том. Из 223 книг, описанных в 9 номере «Летописи» за 1919 год, Ленин отметил только XXII том Чехова, причём указание на необходимость достать этот том Ленин отметил ещё раз на первой странице того же выпуска «Летописи». Наконец, на первой странице № 10 «Книжной летописи» за 1919 год Ленин отметил: «Чехов, отсутствующие томы», — т. е. томы XIX, XX и XXI.

Во многих статьях и речах Ленина использованы образы произведений Чехова. Ещё при жизни писателя, в 1901 году, в статье «Внутреннее обозрение» (т. IV, стр. 316) Ленин впервые упомянул «человека в футляре» (рассказ Чехова под этим заглавием был напечатан в «Русской мысли» за 1898 год).

В статье «Близкий разгон Думы и вопросы

тактики» Ленин придаёт образу чиновника — учителя греческого языка Беликова—распространённое значение: «...политика кадетов, это, право, нечто бесподобное. Сказать: «выражаю недоверие» неосторожно. Надо беречь Думу. Сказать: «не выражаю доверия», это можно. — Ну, разве же это не политические «человеки в футляре»? Разве это не филистеры, которые пред лицом неминуемо надвигающейся бури надвигают себе на глаза свой ночной колпак и твердят: мы осторожны... мы бережём... Вы бережёте свой филистерский колпак, и ничего более, почтенные рыцари «народной свободы»!».[1] Этот образ «человека в футляре» Ленин использует неоднократно.

Не менее характерно для Ленина сравнение меньшевистских идеологов с учителем географии Ипполитом Ипполитовичем из рассказа Чехова «Учитель словесности». В статье «Против бойкота» Ленин пишет:

«Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905-го года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назидания по их адресу насчёт того, что надо считаться с зигзагообразным путём, которым идёт история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассу-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XI, стр. 28—29.

ждения о том, что лошади кушают овёс и что Волга течёт в Каспийское море, — рассуждения, засоряющего разжёвыванием бесспорного суть того, что спорно».[1]

Разоблачая беспринципность Потресова (Старовера), Ленин писал: «Тов. Старовер очень похож на героиню Чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренёром и говорила: мы с Ваничкой ставим серьёзные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?». Эта статья Ленина озаглавлена «Социал-демократическая душечка».[2]

В произведениях Ленина встречается около двадцати цитат из Чехова.[3]

Чехов — один из самых любимых писателей товарища И. В. Сталина. В своих воспоминаниях А. С. Аллилуева рассказывает, как в пред-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 21. Ср. также т. XXI, стр. 445.

[2] *Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 253.

[3] Об этом подробнее см. *Александр Цейтлин*, Литературные цитаты Ленина, 1934, стр. 128—130.

октябрьские дни 1917 года в Петрограде на Рождественской в квартире Аллилуевых «иногда во время вечерних чаепитий, Сталин подходил к вертящейся этажерке у кровати и доставал томик Чехова.

— А хорошо бы почитать. Хотите прочту «Хамелеона»?

«Хамелеон», «Унтер Пришибеев» — мелкие рассказы Чехова были его любимыми. Он читал, подчёркивая, неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко смеялись и просили его почитать ещё. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он чеховскую «Душечку».

— Ну эта-то! Настоящая «душечка» — часто определял он чеховским эпитетом кого-нибудь из знакомых».

Как высоко ценит творчество Чехова товарищ Сталин, рассказывает в книге воспоминаний Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев:

«Как-то, характеризуя одного работника, Сталин сравнил его с одним из чеховских персонажей в рассказе «Свадьба».

— Помните этот рассказ? — спросил он меня.

— Нет, не помню, товарищ Сталин!

— Неужели вы Чехова не читали?!

— Читал всего Чехова несколько раз, а этого рассказа не помню.

— Есть вещи, которые запоминаются.

Очень мне стало стыдно. А ведь я считал себя начитанным и культурным человеком».

Товарищ И. В. Сталин неоднократно обращается в своих выступлениях к персонажам Чехова. Так, например, в заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году уничтожающую характеристику правых оппозиционеров товарищ Сталин дал, прибегая к образу чеховского Беликова: «...бывшие лидеры правой оппозиции не понимают наших большевистских темпов, не верят в эти темпы и вообще не приемлют ничего такого, что выходит из рамок постепенного развития, из рамок самотёка... Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?», — спрашивали Беликова. «На всякий случай, — отвечал Беликов, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?» Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло». Организовали

драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло».

То же самое надо сказать о бывших лидерах правой оппозиции...

Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев ещё вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе...».[1]

Образ «Унтера Пришибеева» — мелкого администратора и большого самодура — использован товарищем Сталиным в статье «Головокружение от успехов» в марте 1930 года:

«...Известно, что в ряде районов Туркестана были уже попытки «догнать и перегнать» передовые районы СССР путём угрозы военной силой, путём угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что итти в колхозы.

Что может быть общего между этой «политикой» унтера Пришибеева и политикой партии,

---

[1] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 436—437.

опирающейся на добровольность и учёт местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего».

Товарищ Сталин вспоминает чеховского Пришибеева и в своём ответе тов. Иванову 12 февраля 1938 года:

«Что касается того, тов. Иванов, что Вас, оказывается, «сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле», то опасаться Вам этого не следует. Если люди из обкома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чеховскому унтер-офицеру Пришибееву, можно не сомневаться, что они проиграют на этом. В нашей стране не любят Пришибеевых».

В нашей стране ненавидят всё, что принижает человека и его достоинство, что препятствует стремлению к новым, более разумным формам жизни. Именно поэтому мы так любим Чехова, нам так дорого его творчество и его человеческий образ, в котором выразилось столько лучших свойств русского национального характера. Вот почему, перечисляя имена самых значительных деятелей русской национальной истории и культуры, товарищ Сталин в своей речи 6 ноября 1941 года назвал имя Антона Павловича Чехова.

---

[1] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 324.

❊ ❊ ❊

Творчество Чехова, как и вся русская культура, оказывает сильнейшее воздействие на мировую литературу. Чехов — писатель мирового значения. Его переводят, читают, знают и любят не только на Западе, но и в странах Востока.

Первые переводы произведений Чехова стали появляться в иностранной печати ещё при жизни писателя. В заграничных журналах конца прошлого и начала нынешнего века можно найти немало упоминаний о новом замечательном русском писателе. Но особенно много для ознакомления зарубежного зрителя с творчеством Чехова было сделано московским Художественным театром во время его заграничных поездок.

Когда Художественный театр в 1922 году показал в Париже «Вишнёвый сад», один из французских театральных критиков Габриэль Буасси, определяя влияние русского театра на театр западный, писал: «Он внушил нам отвращение к штампу и вернул нас к объективному наблюдению».

Другой французский критик так охарактеризовал свои впечатления от чеховских спектаклей МХАТа: «Вы не знаете русского языка, но перед вами такие реальные существа, такие жи-

вые, что вы их понимаете. Слова ускользают от вас, но души их понятны вам».

Немногие читатели Запада в полной мере поняли напряжённость идейных исканий Чехова и его героев. В лучшем случае Чехов является для них «благородным энтузиастом», стремящимся «всем вернуть здоровое и нравственное достоинство». Так понимает Чехова Анри Дюкло. Однако гуманизм Чехова, его внимание и любовь к человеку, своеобразный лиризм его писательской манеры чутко воспринимаются и на Западе и на Востоке.

Чехов, творчество которого, по определению Александра Верта, проникнуто «отвращением ко всему механическому в людях», помог многим писателям Запада найти художественные средства для разоблачения и обличения этого механического начала в повседневной жизни. Чехов явился для передовой западной интеллигенции могучей духовной опорой в борьбе против «цивилизованных форм рабства». Таким образом, нужно говорить не только о непосредственных литературных влияниях чеховских произведений на литературы зарубежных стран, но и о широком воздействии чеховской манеры и его мироощущения.

Уже неоднократно отмечалось критикой, что чеховский «Злоумышленник» перекликается с «Кренкбилем» Анатоля Франса, что «Человек в

футляре» в какой-то степени отразился на «Учителе Унрате» Генриха Манна. Особенно велик интерес к Чехову в Англии и Америке. Творчество Чехова оказало большое влияние на английских писателей Бернарда Шоу и Джона Пристли и на американских писателей Шервуда Андерсена и Хемингуэя. Ещё в 1925 году Дж. Б. Пристли писал: «Влияние Чехова уже теперь огромно и ни в коем случае не завершено. Лучшие из наших современных новеллистов открыто признают, сколь многим они ему обязаны — и за то вдохновение, которое они черпают из его книг, с наслаждением перечитывая их, и за то прямое воздействие, которое оказывает на них его техника и его критические замечания об искусстве короткого рассказа. В области драмы он до сих пор играл не столь большую роль, но и здесь, как я полагаю, его влияние будет возрастать, — хотя бы лишь по одному тому, что в «Трёх сёстрах» и «Вишнёвом саде» его мастерство ещё более поразительно, чем в его лучших рассказах. С драмой, этим самым неподатливым из всех видов искусств, он сотворил ещё больше чудес, чем с новеллой. Он, быть может, как автор рассказов был более законченным художником; но как новатор, как источник влияния, Чехов-драматург ещё превзойдёт Чехова-новеллиста. Если такой драматург, как мистер Бернард Шоу, будучи старше Чехова по возрасту, обладая большим, чем он,

сценическим опытом и более широкой известностью, подвергся непосредственному влиянию Чехова (в «Доме разбитых сердец»), то это внушает нам уверенность, что это влияние отнюдь не кончилось. Напротив, оно только ещё началось».

Пристли прав. Однако не только «Дом разбитых сердец», названный Бернардом Шоу «фантазией в русской манере на английские темы», но и ряд других произведений английского драматурга следует традициям чеховской драматургии. Подобно Чехову, Бернард Шоу простейшими средствами обыденного диалога раскрывает нелепость и убожество собственнического бытия, обличает бесцельность жизни благопристойных обывателей в футляре. И сам Пристли, подобно Чехову, строит пьесы не на внешнем действии, а на глубоком внутреннем драматизме.

Английскую писательницу Кэтрин Мэнсфилд часто сравнивают с Чеховым и даже называют «английским Чеховым». При всей несоизмеримости дарований чеховское начало проявляется у Мэнсфилд в той мягкой иронии и теплоте, с какой она рассказывает о жизни трудового люда. О повести «Степь» Мэнсфилд писала: «Я перечла «Степь». Что можно сказать о ней? Это просто одна из самых великих повестей в мире, своего рода «Илиада» или «Одиссея». Мне кажется, что я запомню это путешествие

наизусть. Есть вещи, о которых говоришь: «Они бессмертны»».

В творчестве Хемингуэя также отчётливо проступают черты, характеризующие чеховскую манеру: через неуловимые детали поведения героев, через повседневную речь раскрывается большое человеческое чувство, и изображение монотонной обывательской жизни резко контрастирует с неутолённой жаждой деятельного, осмысленного существования.

Для современного английского и американского читателя Чехов, как Лев Толстой и Горький, — богатый источник знакомства с жизнью России, русской культурой и русской душой. Английский критик Эдвард Гарнет в статье «Чехов и его мастерство» говорит о том, что в творениях Чехова раскрывается «русская широта кругозора», что Чехов познакомил своих читателей с «русскими критериями эмоциональной восприимчивости и моральных оценок». Вот почему интерес к творчеству Чехова на Западе всё возрастает.

Известный английский театральный деятель Губерт Гриффит в 1934 году писал: «Глубоко ценят Чехова в странах, где говорят по-английски. Возможно, что у вас не знают о том, как его любят, знают и как им восхищаются. Поставленный недавно в Лондоне «Вишнёвый сад» прошёл сто раз и притом не в маленьком театре

для избранных, а в большом театре, где преобладает рабочий зритель».

Пьесы Чехова ставят не только в больших театрах западных кварталов Лондона: его имя встречается в программах театральных предприятий и любительских кружков по всей Англии. Чехов занял прочное место на английской сцене. Его полюбили и английские актёры и английские зрители. «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишнёвый сад» не сходят со сцены английских театров. Лучшим чеховским спектаклем в Англии считают постановку в 1936 году «Трёх сестёр», осуществлённую Мишелем С. Дени. «Дядя Ваня» — одна из любимейших пьес в Англии. Распространено мнение, что англичане подмечают у Чехова лишь меланхолические ноты. Вестминстерский театр, поставивший эту пьесу, вскрыл многообразие чеховского юмора.

Морис Беринг в книге «Вехи русской литературы» указал на переворот, совершённый Чеховым в мировой драматургии: «Чехов нашёл самого себя и дал миру нечто новое и оригинальное в своих драматических произведениях: Чехов открыл, что реальная жизнь такая, какой мы её видим ежедневно, может быть на сцене столь же интересной, сколько катастрофы или затруднения, более или менее исключительные, которые автор выбирает для своих произведений именно вследствие их драматичности».

Не меньший интерес к литературному наследию Чехова проявляют читатели и литераторы Востока. Так, например, в Китае переведены почти все произведения Чехова. Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно. Го Мо-Жо пишет: «Главнейшая причина популярности писателя [Чехова] заключается, вероятно, в том, что форма и стиль его произведений близки и понятны восточному читателю, который более всего ценит в художественном творчестве лиризм и содержание, свободное от тяжёлых и застывших красок... Своеобразная манера письма Чехова оказалась на редкость близкой вкусам нашего читателя: ибо хотя Чехов стихов не писал, всё же он подлинный поэт, рассказы и пьесы его — поэзия».

Особенно значительно воздействие творчества Чехова на современного крупного китайского писателя-реалиста Лу-Синя. Лу-Синь, как и Чехов, не только писатель, но и медик. Их роднит тщательность анализа, умение подмечать детали, тонкость и своеобразие восприятия природы. Влияние Чехова на творчество Лу-Синя сказалось не только в тематике, построении сюжета и характеристике героя, но и в идейной, духовной близости их творчества, в стремлении разоблачить фальшь и пошлость окружающей действительности. Вместе с тем оба писателя движимы глубокой верой в прогресс, который является непреложным законом исторического

развития. Сквозь серый колорит, лежащий порой на страницах произведений Чехова и Лу-Синя, отчётливо и зримо выступает твёрдая вера в победу разума и справедливости.

* * *

За четыре десятилетия со дня смерти Чехова произошли такие крупные социальные сдвиги, свершились величайшие исторические события, так изменилась жизнь на нашей планете, что мы вправе говорить: литературное наследие Чехова выдержало серьёзную проверку временем. Произведения Чехова, написанные в условиях, столь отличных от нашей эпохи, не потускнели, они стали ещё содержательнее и глубже.

К. С. Станиславский писал о Чехове: «В художественной литературе конца прошлого и начала нынешнего века он один из первых почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше и общество продолжало купаться в излишествах. Он один из первых дал тревожный звонок...».

В лице Чехова в нашу литературу пришёл великий художник, гениально отразивший в своём творчестве русскую жизнь последней трети XIX века, проложивший в искусстве новые пути, и, как все великие русские писатели, Чехов потому сказал своё новое слово, что был неразрывно связан с жизнью русского народа, прислуши-

вался к его чаяниям и чутко улавливал величайшие исторические сдвиги, назревавшие в русской действительности.

Вот почему Чехов принадлежит к числу наших наиболее любимых писателей. Его думы, его чувства нам дороги, близки и понятны. Мягкий, задушевный голос Чехова вызывает отклик в сердце каждого читателя.

«В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорит Астров в пьесе «Дядя Ваня». Таким человеком, в котором всё было прекрасно, представляется нам Чехов. И не случайно московская школьница Зоя Космодемьянская, впоследствии героиня советского народа, записала эти чудесные слова в своём дневнике. Эти слова стали для неё девизом. Чехов был среди тех учителей народной героини, которые воспитали в ней прекрасную душу, способную на высокий подвиг.

Творчество Чехова крепко связано с русским народом, питавшим его творческие силы. Устами писателя Тригорина в пьесе «Чайка» Чехов говорил: «Я не пейзажист только, я ведь ещё гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем...».

Чехов верил в великое и прекрасное будущее русского народа и его великой Родины.

Отв. редактор *Б. Папковский*. Техн. редактор *А. Хрош*.

ОГИЗ. Госполитиздат. Ленинград 1945.
Подп. к печ. 3/III 1945 г. 4 печ. л. 3,52 уч.-изд. л. 42.240 знака в 1 печ. л.
Тир. 10.000 экз. М 00545. Зак. № 177.

2-я типография „Печатный Двор“ им. А. М. Горького, треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

2 р. 50 к.